С. Л.
ПЕРОВСКАЯ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ7
П429

1903

3W 0zuy

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

ЦГ7
П429

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

РУССКІЕ РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ.

I.

Софія Львовна
ПЕРОВСКАЯ.

Софія Львовна Перовская. — Изъ воспоминаній о С. Л. Перовской (изъ «Подпольной Россіи» С. Степняка). — С. Л. Перовская и дѣло 1-го марта 1881 года (извлеченіе изъ судебнаго отчета).

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1903 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ: на стр. 31 въ примѣчаніи

Напечатано:	Должно быть:
арестованъ 27 апрѣля	арестованъ 27 февраля

177
1932

ИНСТИТУТ
К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА
В. Ц. И. К.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Ш 6 352

РУССКІЕ РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ.

I.

Софія Львовна ПЕРОВСКАЯ.

Софія Львовна Перовская. — Изъ воспоминаній о С. Л. Перовской (изъ «Подпольной Россіи» С. Степняка). — С. Л. Перовская и дѣло 1-го марта 1881 года (извлеченіе изъ судебнаго отчета).

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1903 г.

Экз.

К.

ЦГЛ
П429

Ч 12188

2010

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

СОФІЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ.

(Изъ «Подпольной Россіи» С. Степняка).

Она была хороша собою, хотя наружность ея принадлежала къ тѣмъ, которыя не ослѣпляютъ съ перваго взгляда, но тѣмъ больше нравятся, чѣмъ больше въ нихъ всматриваешься.

Бѣлокурая головка съ парой голубыхъ глазъ, серьезныхъ и проницательныхъ, подъ широкимъ, выпуклымъ лбомъ; мелкія, тонкія черты лица; розовыя, полныя губы, обнаруживавшія, когда она улыбалась, два ряда прелестныхъ бѣлыхъ зубовъ; необыкновенно чистая и нѣжная линія подбородка.

Впрочемъ, очаровывали не столько отдѣльныя черты, сколько вся совокупность ея физіономіи. Было что-то рѣзвое, бойкое и вмѣстѣ съ тѣмъ наивное въ ея кругленькомъ личикѣ. Это была олицетворенная юность. При своей удивительной молодости, Соня въ двадцать шесть лѣтъ выглядѣла восемнадцатилѣтней дѣвушкой. Маленькая фигурка, стройная и граціозная, и свѣжій, звонкій, какъ колокольчикъ, голосъ увеличивали эту иллюзію, становившуюся почти непреодолимой, когда она начинала смѣяться, что случалось очень часто. Она была очень смѣшлива и смѣялась съ такимъ увлеченіемъ, съ такой беззавѣтной и неудержимой веселостью, что въ эти минуты ее можно было принять за пятнадцатилѣтнюю дѣвочку-хохотушку.

Своей наружностью она рѣшительно не занималась. Одѣвалась она съ величайшей простотой и, можетъ быть, не знала даже, что значитъ быть одѣтой къ лицу или не къ лицу, но любила чистоту до страсти и въ этомъ отношеніи была требовательна и педантична, какъ швейцарская дѣвушка.

Соня очень любила дѣтей и была отличной школьной учительницей. Была, однако, другая роль, которую она выполняла еще лучше.—это роль сидѣлки. Если какая нибудь изъ ея пріятельницъ заболѣвала,—она первая являлась предложить себя на эту тяжелую должность и умѣла ухаживать за больными съ такой заботливостью и такимъ терпѣніемъ, которыя навсегда завоевывали ей сердца ея паціентовъ.

Величайшей привязанностью ея жизни была мать, Варвара Сергѣевна, которую она любила со всей трогательной и наивной нѣжностью, какая бываетъ только у дочерей. Не разъ рисковала она собою, чтобы имѣть свиданіе съ нею. Среди тревогъ и заботъ своей бурной жизни она сохранила въ сердцѣ укромный уголокъ, гдѣ теплилось это доброе чувство. Никогда не забывала она о тѣхъ безпрерывныхъ мукахъ, которыя должна была испытывать изъ-за нея мать, и пользовалась малѣйшимъ случаемъ, чтобы дать ей о себѣ вѣсточку. Не разъ, даже въ послѣдній періодъ своей жизни, она оставляла на минуту суровыя конспираціонныя работы, чтобы составить ей посылочку изъ любимыхъ ея гостинцевъ и сластей.

И вотъ эта-то дѣвушка, съ такой скромной и невинной внѣшностью, съ такимъ кроткимъ и нѣжнымъ характеромъ, была однимъ изъ наиболѣе грозныхъ членовъ грозной революціонной партіи. Ей-то было поручено руководство дѣломъ 1-го Марта. На клочкѣ конверта она рисовала карандашомъ планъ мѣстности, распредѣляя заговорщикамъ ихъ мѣста, и въ роковое утро, стоя на полѣ битвы, она получала отъ часовыхъ извѣстія о движеніи императора и указывала заговорщикамъ платкомъ, куда они должны направляться. Она-же въ мрачный день 2-го апрѣля потрясла друзей и враговъ своей истинно геройской кончиной...

Попробуемъ-же очертить, насколько позволятъ намъ наши силы, эту личность, совмѣщавшую въ себѣ столько чисто женской нѣжности, столько мощи бойца и столько самоотверженной преданности мученика.

I.

Софія Перовская, подобно Кропоткину, происходитъ изъ высшей аристократіи. Перовскіе — младшая вѣтвь фамиліи извѣстнаго Разумовскаго, морганатическаго мужа императрицы Елизаветы Петровны (1741 — 1761). Дѣдъ ея, Левъ Алексѣевичъ Перовскій, былъ министромъ просвѣщенія; отецъ долго занималъ постъ петербургскаго генералъ-губернатора; родной дядя ея отца, знаменитый графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, завоевалъ императору Николаю нѣсколько провинцій въ центральной Азіи.

Такова семья, откуда вышла женщина, нанесшая такой жестокій ударъ царизму.

Софія родилась въ 1854 году. Печально было ея дѣтство между отцомъ, деспотомъ и самодуромъ, какіе встрѣчаются еще только въ Россіи, и вѣчно унижаемой и оскорбляемой матерью, женщиной высокой нравственности, переносившей все, что только можетъ быть горькаго въ жизни жены рус-

скаго самодура, лишь-бы не оставить ему въ жертву беззащитныхъ дѣтей. Такимъ образомъ, уже въ нѣдрахъ семьи научилась Перовская ненависти къ угнетенію и той великодушной любви ко всѣмъ слабымъ и обиженнымъ, которая составляетъ одну изъ наиболѣе трогательныхъ чертъ ея характера.

Исторія жизни С. Перовской представляетъ собою вѣрнѣйшее отраженіе исторіи русской молодежи, а также и революціонной партіи.

Подобно всѣмъ женщинамъ своего поколѣнія, С. Перовская начала съ простого желанія учиться. — Когда ей минуло 15 лѣтъ, движеніе въ пользу эмансипаціи женщинъ находилось въ полномъ разгарѣ и увлекло даже ея старшую сестру, Марію. Соня начинаетъ учиться, посѣщать курсы, читать. Но что даетъ ей литература того времени? Самую рѣзкую критику всего нашего общественнаго строя, указывая на соціализмъ, какъ на конечную цѣль и единственное лекарство отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ. Ея учителя—Чернышевскій и Добролюбовъ, на которыхъ воспитывалось и все современное молодое поколѣніе. При такихъ учителяхъ жажда знанія весьма скоро должна была превратиться у нея въ жажду дѣятельности соотвѣтственно идеямъ, почерпнутымъ въ этомъ чтеніи. Аналогичное стремленіе возникаетъ совершенно самостоятельно во многихъ другихъ дѣвушкахъ, находящихся въ такомъ-же положеніи. Общность идей развиваетъ между ними чувство горячей дружбы, а сознаніе, что онѣ не одиноки, порождаетъ желаніе и надежду что-нибудь сдѣлать на пользу своихъ идеаловъ.—Вотъ вамъ въ зародышѣ тайное общество, потому что въ Россіи все, что имѣетъ цѣлью благо народа, а не императора, должно дѣлаться тайно.

Бѣгство изъ родительскаго дома, къ которому вынудило Соню вмѣшательство въ ея жизнь ея отца, оторвавъ ее отъ семьи, заставило еще тѣснѣе сблизиться съ кружкомъ подругъ и товарищей. Перовская очень близко сошлась съ несчастнымъ семействомъ сестеръ Корниловыхъ, составлявшимъ зерно, изъ котораго два года спустя развился кружокъ Чайковцевъ, имѣвшій такое важное значеніе въ первый періодъ движенія.

Перовская вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми студентами, въ томъ числѣ Николаемъ Чайковскимъ, оставившимъ свое имя будущей организаціи, была однимъ изъ членовъ этого кружка, имѣвшаго, впрочемъ, вначалѣ скорѣй характеръ братства, чѣмъ политическаго общества.

Кружокъ, задававшійся сперва исключительно пропагандой среди молодежи, былъ не великъ. Выборъ новыхъ членовъ производился съ разборомъ и всегда единодушно. Устава никакого не существовало, да и не было въ немъ надобности, потому что ***всѣ рѣшенія принимались не иначе, какъ единогласно.*** И правило это, столь мало практичное, ни разу не повлекло

за собою ни столкновеній, ни даже неудобствъ, потому что любовь и уваженіе, соединявшія членовъ кружка, были таковы, что въ немъ достигалось то, что геній Ж. Ж. Руссо провидѣлъ, какъ идеалъ общественныхъ отношеній: меньшинство уступало большинству не по необходимости или принужденію, а добровольно, подъ вліяніемъ внутренняго убѣжденія, что правда должна быть на его сторонѣ.

Отношенія между членами были самыя братскія. Искренность и безусловная прямота составляли ихъ первое основаніе. Всѣ знали другъ друга, какъ члены одной и той же семьи, если не больше, и никто не хотѣлъ скрывать отъ другихъ ни одного своего шага не только въ общественной, но даже и въ частной жизни. Такимъ образомъ, малѣйшая слабость, малѣйшее проявленіе эгоизма или недостаточной преданности дѣлу замѣчались, указывались, иногда вызывали порицаніе, но не менторское, а братское, внушаемое любовью и искреннимъ огорченіемъ и потому дѣйствующее на душу.

Эти идеальныя отношенія, невозможныя при обширной организаціи, обнимающей собою массу людей, соединенныхъ лишь общностью цѣли, дѣйствительно исчезаютъ вмѣстѣ съ расширеніемъ политической дѣятельности упомянутаго кружка. Но они были какъ нельзя болѣе способны вліять на нравственное развитіе личностей. Они-то создали такихъ людей съ сердцами изъ золота и стали, какъ Куприяновъ, Чарушинъ, Сердюковъ и столько другихъ, которые во всякой другой странѣ были-бы гордостью и украшеніемъ націи. А у насъ гдѣ они, гдѣ?...

Одни переморены въ тюрьмахъ, другіе сами наложили на себя руки; тѣ погребены въ тундрахъ и рудникахъ Сибири или раздавлены подъ бременемъ безграничнаго горя о потерѣ всего, всего, что было для нихъ дороже жизни....

Въ этой-то суровой и вмѣстѣ нѣжной средѣ, проникнутой почти монашескимъ ригоризмомъ, но согрѣтой дыханіемъ энтузіазма и самоотверженія, провела Софія Перовская четыре года первой молодости, когда чистая, нетронутая душа принимаетъ такъ жадно всякое хорошее впечатлѣніе, когда горячее сердце такъ отзывчиво ко всему великому и благородному.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ числѣ вліяній, создавшихъ этотъ характеръ, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ кружку Чайковцевъ. И дѣйствительно, всматриваясь въ нравственную физіономію С. Перовской, мы легко замѣтимъ, что до конца жизни въ ней отражаются всѣ хорошія стороны этого кружка, хотя, благодаря своимъ личнымъ особенностямъ, она съумѣла отбросить его излишнюю семейственность и сантиментальность.

Въ кружкѣ Перовская пользовалась большимъ уваженіемъ

и вліяніемъ за свою стоическую строгость къ самой себѣ, за неутомимую энергію и въ особенности за свой обширный умъ. Ясный и проницательный, онъ обладалъ столь рѣдкой у женщинъ философской складкой, проявляющейся въ умѣніи не только прекрасно понять данный вопросъ, но и разобрать его всегда въ соотношеніи со всѣми отъ него проистекающими вопросами. Отсюда происходила у Перовской, съ одной стороны, рѣдкая твердость убѣжденій, которыхъ не могли поколебать ни софизмы, ни преходящія впечатлѣнія дня, — что, при лихорадочной быстротѣ нашей политической жизни, давало поводъ обвинять ее даже въ нѣкоторомъ консерватизмѣ, —съ другой, необыкновенное искусство въ спорахъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Трудно было встрѣтить болѣе стойкаго и искуснаго діалектика, чѣмъ Перовская. Разсматривая свой предметъ всегда со всѣхъ точекъ зрѣнія, она имѣла большое преимущество передъ своими противниками, потому что обыкновенно каждый разсматриваетъ его съ одной какой-нибудь стороны, указываемой личными склонностями и симпатіями.

Другимъ проявленіемъ той-же широты и разносторонности являлась чрезвычайная трезвость ея ума. Она видѣла всѣ вещи въ настоящемъ свѣтѣ, и въ настоящую величину, и своей логикой безъ пощады разбивала иллюзіи своихъ болѣе восторженныхъ товарищей. Черпая въ чувствѣ долга ту твердость и постоянство, которыя людямъ болѣе слабымъ даются фиктивными надеждами, она никогда не преувеличивала ничего и не придавала дѣятельности своей или своихъ товарищей большаго значенія, чѣмъ она имѣла на самомъ дѣлѣ. Поэтому она всегда стремилась расширить ее, отыскивая новые пути и способы дѣйствія, вслѣдствіе чего бывала всегда однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ***иниціаторовъ*** во всѣхъ организаціяхъ, въ которыхъ состояла членомъ*). Такъ, переходъ отъ

*) «Осенью 1873 г. кружокъ (Чайковцевъ) задумалъ перенести печатаніе народныхъ брошюръ изъ-за границы въ Россію; съ этою цѣлью Купріяновъ ѣздилъ въ Швейцарію и переправилъ черезъ границу печатный станокъ, который хранился въ лечебницѣ доктора Веймара, сосланнаго потомъ на каторгу и умершаго на Карѣ въ 1886 г. Всѣми дѣлами такого рода завѣдывала особая конспиративная коммиссія, къ которой принадлежала, между прочимъ, и 18-лѣтняя Перовская. Въ вѣдѣніи Перовской находились также сношенія съ арестованными, сидѣвшими въ III-мъ отдѣленіи, черезъ одного подкупленнаго жандарма, который регулярно приносилъ ей записки и принималъ отъ нея порученія». («С. М. Кравчинскій и Кружокъ Чайковцевъ» Л. Шишко. В. Р. Р. № 3.)

Прим. изд.

пропаганды среди молодежи къ пропагандѣ среди рабочихъ, совершенный кружкомъ Чайковцевъ въ 1871—72 годахъ, былъ въ значительной степени результатомъ ея настойчивости. Когда-же этотъ переходъ былъ осуществленъ, и дѣло пропаганды на столичныхъ фабрикахъ приняло необыкновенно широкіе для того времени размѣры и увлекло весь кружокъ, она была изъ первыхъ, настаивавшихъ на необходимости слѣдующаго шага — перехода изъ городовъ въ деревни, такъ какъ понимала, что въ Россіи можетъ имѣть будущность лишь такая партія, которая съумѣетъ сблизиться съ крестьянствомъ. И потомъ, будучи уже членомъ организаціи Народной Воли, она всегда стояла за расширеніе революціонной пропаганды не только въ средѣ городскихъ рабочихъ, что въ значительной степени выполнялось организаціей, но и за распространеніе ея и на деревенское населеніе *).

Однако, это вѣчное недовольство, это вѣчное исканіе чего-нибудь новаго, лучшаго было въ ней исключительно результатомъ сильной критической мысли, а не черезчуръ пламеннаго воображенія, дѣлающаго человѣка неспособнымъ удовлетвориться какой-бы то ни было реальностью, какъ это бываетъ у романтическихъ натуръ. Этого романтизма, способнаго побудить иныхъ людей на великіе подвиги, но обыкновенно заставляющаго тратить жизнь въ безплодныхъ грезахъ, у Перовской не было и слѣда. Она была человѣкъ слишкомъ положительный, чтобы жить въ мірѣ химеръ, и слишкомъ энергичный, чтобы стоять скрестивши руки.—Она брала жизнь такою, какова она есть, стараясь сдѣлать наибольшее возможное въ данный моментъ. Бездѣятельность была для нея величайшимъ мученіемъ.

Однако, когда было нужно, она умѣла выносить годы бездѣятельности.

---

*) О дѣятельности С. Л. Перовской среди петербургскихъ рабочихъ Л. Э. Шишко пишетъ: « Мы съ Перовской наняли на это лѣто (1873 года) небольшую квартиру на Саратовской улицѣ, вблизи ткацкихъ фабрикъ, расположенныхъ по Самсоніевскому проспекту. Двѣ другія наши рабочія квартиры находились тогда за Невской и Московской заставами. За Невской заставой жилъ Синегубъ съ женою. Синегубъ завелъ тогда обширныя знакомства съ рабочими артелями на фабрикѣ Торнтона. Число приходившихъ къ нему рабочихъ вскорѣ такъ возросло, что онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ на помощь сначала двухъ товарищей изъ вспомогательнаго кружка, а затѣмъ перетащилъ къ себѣ и Перовскую.»—«На руки Перовской Синегубъ передалъ пришедшаго къ нему какъ то Петра Алексѣева съ четырьмя товарищами.» (С. М. Кравчинскій и Кружокъ Чайковцевъ. В. Р. Р. № 3.) *Прим. изд.*

Въ своихъ «Запискахъ Революціонера» *) П. А. Кропоткинъ такъ характеризуетъ Перовскую въ этотъ періодъ ея дѣятельности.

«Перовская, какъ извѣстно, родилась въ аристократической семьѣ. Отецъ ея одно время былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Съ согласія матери, обожавшей дочь, Софья Перовская оставила родной домъ и поступила на высшіе курсы, а потомъ съ тремя сестрами Корниловыми, дочерьми богатаго фабриканта, основала тотъ маленькій кружокъ саморазвитія, изъ котораго впослѣдствіи возникъ нашъ. Теперь, въ повязанной платкомъ мѣщанкѣ, въ ситцевомъ платьѣ, въ мужскихъ сапогахъ, таскавшей воду изъ Невы, никто не узналъ бы барышни, которая недавно блистала въ аристократическихъ петербургскихъ салонахъ. Она была общей любимицей. Каждый изъ насъ, входя въ домъ который она пыталась содержать въ чистотѣ, улыбался ей особенно дружески; мы улыбались даже тогда, когда она донимала насъ за грязь, которую мы натаскивали нашими мужицкими сапогами и полушубками: мы долго мѣсили грязь предмѣстья, покуда добирались до домика. Перовская пыталась тогда придать своему невинному, очень умному личику самое ворчливое выраженіе, какое только могла, за что мы и прозвали ее «Захаромъ». По нравственнымъ воззрѣніямъ она была ригористка, но отнюдь не «проповѣдница». Когда она была недовольна кѣмъ нибудь, то бросала на него строгій взглядъ изъ подлобья; но въ немъ видѣлась открытая, великодушная натура, которой все человѣческое было доступно. Только по одному пункту она была непреклонна. — «Бабникъ», выпалила она однажды, говоря о комъ-то, и выраженіе, съ которымъ она произнесла это слово, не отрываясь отъ работы, навѣки врѣзалось въ моей памяти.

Перовская была «народницей» до глубины души, и въ то же время революціонеркой и бойцомъ чистѣйшаго закала. Ей не было надобности украшать работниковъ и крестьянъ вымышленными добродѣтелями, чтобы полюбить ихъ и чтобы работать для нихъ. Она брала ихъ такими, какъ они есть, и разъ, помню, сказала мнѣ: «Мы затѣяли большое дѣло. Быть можетъ, двумъ поколѣніямъ придется лечь на немъ; но сдѣлать его надо». Ни одна изъ женщинъ нашего кружка не отступила бы предъ смертью на эшафотѣ. Каждая изъ нихъ взглянула бы смерти прямо въ глаза. Но въ то время, въ этой стадіи пропаганды, никто объ этомъ еще не думалъ. Извѣстный портретъ Перовской очень похожъ на нее. Онъ хорошо передаетъ ея сознательное мужество, ея открытый здравый умъ и любящую душу. Никогда еще женщина не выразила

*) Стр. 299—300 русскаго изданія.

такъ всего чувства любящей души, какъ Перовская въ томъ письмѣ къ матери, которое она написала за нѣсколько часовъ до того, какъ взошла на эшафотъ».

II.

Двадцать пятаго ноября 1873 года Перовская была арестована вмѣстѣ съ группой рабочихъ, среди которыхъ вела пропаганду за Александро-Невской заставой. Ее посадили въ Петропавловскую крѣпость, но, за отсутствіемъ уликъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія она была выпущена на поруки отцу, который и отправилъ ее съ матерью въ Крымъ, гдѣ находилось ихъ имѣніе.

Цѣлыхъ три года пришлось Перовской ждать процесса, и все это время она, вслѣдствіе установленнаго за нею строгаго надзора, должна была совершенно отказаться отъ революціонной дѣятельности, — кромѣ развѣ пропаганды среди молодежи, по самой своей сущности весьма мало доступной полицейскому контролю. Скрыться-же и начать нелегальное существованіе она не могла, потому что этимъ компрометировала бы всѣхъ, кто, подобно ей, былъ выпущенъ на поруки.

Перовская дѣлала, что могла, чтобы и изъ этого мертваго времени извлечь возможно большую пользу. Желая подготовить себя къ пропагандѣ среди крестьянства, къ которой всегда чувствовала особенное влеченіе, она рѣшилась изучить фельдшерство. Съ этою цѣлью она отправилась въ Тверскую губернію къ одному знакомому врачу, у котораго и пробыла на практикѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Вскорѣ, однако, она вернулась въ Симферополь, убѣдившись въ необходимости прослушать правильный теоретическій курсъ фельдшерства, прежде чѣмъ приступить къ практическому изученію его. Вообще, Перовская ничего не могла дѣлать на скорую руку, какъ-нибудь. Взявшись за самое маленькое дѣло, она исполняла его наилучшимъ образомъ. Въ фельдшерской школѣ своимъ усердіемъ и добросовѣстностью ей удалось пріобрѣсти такое довѣріе врачей руководителей, что они часто предоставляли ей практику, несмотря на то, что она еще не кончила курса. Она была любимицей больныхъ. Разсказываютъ, что въ числѣ ея паціентокъ находилась одна страдавшая ракомъ на груди старушка еврейка, къ которой Перовская въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ходила на перевязку. Своими заботами объ этой больной, своей постоянно доброй улыбкой она внушила ей такую любовь къ себѣ, что та увѣряла, будто при одномъ ея видѣ ей дѣлается уже гораздо лучше.

Зимою 1877 года начался, наконецъ, такъ давно ожидаемый процессъ 193-хъ, въ которомъ вмѣстѣ съ Перовской были замѣшаны почти всѣ члены кружка Чайковцевъ.

Не излишне, быть можетъ, отмѣтить здѣсь нѣкоторыя подробности этого перваго появленія ея передъ публикою, такъ какъ онѣ прекрасно характеризуютъ Перовскую.

Не желая быть игрушкой въ рукахъ правительства, которое составляло приговоры еще до начала судебнаго разбирательства, всѣ почти обвиняемые по этому дѣлу согласились между собой протестовать противъ такой судебной комедіи отказомъ принимать какое-бы то ни было участіе въ ней. Послѣ этого-то общаго протеста правительство и рѣшило, во первыхъ, изгнать публику, поддерживавшую своимъ присутствіемъ подсудимыхъ, и, во вторыхъ, разбить послѣднихъ на 17 группъ, которыя вводились-бы по очереди, въ надеждѣ, отчасти оправдавшейся, ослабить такимъ образомъ силу ихъ сопротивленія.

Перовская попала въ первую группу и, какъ единственный членъ ея, находящійся на свободѣ, на другой день утромъ была введена въ залу засѣданія первою. Она не успѣла, разумѣется, снестись съ товарищами и не имѣла никакого понятія, находятъ-ли они нужнымъ, цѣлесообразнымъ и, главное, возможнымъ даже въ одиночку продолжать протестъ въ той-же формѣ, какъ было рѣшено наканунѣ. Ей приходилось, стало быть, начинать дѣло на свой страхъ, рискуя, если протестъ ея окажется единичнымъ, навлечь на себя очень тяжкую кару, между тѣмъ какъ теперь, въ качествѣ выпущенной на поруки до суда, она не могла ожидать для себя ничего серьезнаго.

Положеніе Перовской было очень затруднительно, но чувство товарищества подсказало выходъ: видя себя совершенно одинокой, послѣ первыхъ минутъ замѣшательства она заявила, что не желаетъ принимать какого-бы то ни было участія въ судебномъ разбирательствѣ, такъ какъ не видитъ въ залѣ тѣхъ, съ которыми она раздѣляетъ всѣ убѣжденія и съ которыми желаетъ раздѣлить и участь.

Перовская была оправдана. Но зная очень хорошо, какую цѣну имѣютъ у насъ подобныя оправданія, она заблаговременно разсудила скрыться, и съ этого времени начинается ея нелегальное существованіе.

Впрочемъ, съ лишкомъ годъ она по прежнему остается совершенно въ сторонѣ отъ кипучаго революціоннаго потока, потому что вся сосредоточивается на одномъ дѣлѣ: попыткѣ освободить своихъ товарищей, осужденныхъ на заключеніе въ центральной тюрьмѣ. Для нея эти люди были не только представителями дорогихъ ей идей, — это были друзья, въ которыхъ она вкладывала лучшую часть себя самой, друзья, какіе бываютъ только въ революціонныхъ кружкахъ, поглощающихъ человѣка цѣликомъ, со всѣми его чувствами и симпатіями, страстями и помышленіями, гдѣ чувство дружбы, являясь

живымъ воплощеніемъ не только нѣжности сердца, но и высшихъ идейныхъ началъ, достигаетъ такой силы и глубины, что далеко оставляетъ за собою узы самаго близкаго родства.

Не удивительна поэтому та страстность, съ какой Перовская, человѣкъ кружка по преимуществу, отдалась дѣлу освобожденія такъ называемыхъ централочныхъ.

Сперва выборъ ея, какъ и всѣхъ друзей, останавливается на Мышкинѣ, могучемъ ораторѣ и героѣ процесса 193-хъ. Устраивается наблюденіе за крѣпостью и дорогой; организуются отряды съ цѣлью отбить его на пути. Но потому-ли, что полиція провѣдала о задуманномъ дѣлѣ, или, вѣрнѣе, потому, что догадалась о немъ, такъ какъ толки о необходимости освобожденія Мышкина послѣ его рѣчи сами собой возникали повсюду,—какъ-бы то ни было, правительство приняло нѣкоторыя предосторожности, произвело нѣсколько фальшивыхъ маневровъ, и революціонеры дали себя обмануть. Они просмотрѣли отправку Мышкина и узнали о ней только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ.

Трудно описать, что сдѣлалось съ Соней послѣ этой неудачи. Попавшагося ей на глаза въ этотъ день участника она ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ и, успокоившись, просто застыла на мысли—непремѣнно, во что бы то ни стало освободить другихъ. Ходила она злая-презлая и только за своей больной (у нея на попеченіи была беременная г-жа С., страшно слабая и едва не умершая) ухаживала такъ же ласково и внимательно, какъ всегда.

Рѣшено было освободить кого-нибудь изъ четырехъ другихъ централочныхъ, во время слѣдованія на почтовыхъ изъ Харькова до тюрьмы: Рогачева, Ковалика, Войнаральскаго или Муравскаго — кого удастся прослѣдить. Первый и второй были пропущены. Войнаральскаго удалось захватить. Повозка съ арестантомъ, сопровождаемымъ двумя жандармами, была остановлена Б-мъ, переодѣтымъ офицеромъ, ѣдущимъ изъ Харькова въ собственной кибиткѣ. Двое его спутниковъ верховыхъ подъѣхали къ перекладной. Неожиданный выстрѣлъ изъ револьвера положилъ одного изъ жандармовъ; но въ ту-же минуту испуганные пальбою кони понеслись во весь опоръ. Верховые поскакали за ними, продолжая стрѣлять на ходу въ оставшагося жандарма и лошадей. Бричка мчалась слѣдомъ. Но ни одинъ изъ девяти выстрѣловъ не попалъ въ жандарма, и хотя нѣсколько пуль засѣло въ тѣлѣ лошадей, но онѣ только бѣшенѣе неслись впередъ. Почти до самой станціи гнались наши, презирая опасность, и остановились только когда всѣ заряды револьверовъ были выпущены, и ихъ дряннныя клячи окончательно выбились изъ силъ.

Жандармъ съ арестантомъ ускакали. Причина неудачи заключалась въ томъ, что стрѣльбу начали, не вырвавъ у ям-

щика возжей, или не подрѣзавъ постромокъ. Но ошибку эту, не предусмотрѣнную къ тому-же раньше, исполнители этого дѣла искупили своей послѣдующей храбростью, чуть не стоившей имъ головы. Нѣсколько минутъ спустя со станціи выѣхала повозка съ шестью жандармами, возвращавшимися изъ Бѣлгородской тюрьмы послѣ доставки туда предъидущихъ арестантовъ. Погонись наши еще полъ-версты, они погибли-бы всѣ неминуемо.

Но Перовская была безпощадна: она осыпала жестокими упреками своихъ и безъ того убитыхъ товарищей, называя это дѣло «постыднымъ и позорнымъ для революціи». Никакихъ оправданій не хотѣла она признать: «зачѣмъ давали промахи?.. зачѣмъ не гнались далыше?».

Однако, нужно было уѣзжать изъ Харькова какъ можно скорѣй, потому что, благодаря возвращавшейся повозкѣ съ жандармами, полиція прослѣдила нашихъ по горячимъ слѣдамъ. Не имѣя возможности сняться разомъ въ тотъ-же день, заговорщики уѣхали двумя партіями. Первая, большая, оставила городъ безъ всякихъ задержекъ; но когда, два или три дня спустя, на вокзалъ явилась вторая, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, всѣ входы были уже заняты разными служителями съ постоялаго двора и брошенныхъ ими квартиръ. По указанію одного изъ нихъ былъ арестованъ Фоминъ. Двумъ другимъ, оставшимся неузнанными, удалось уѣхать благополучно. Что-же касается Перовской, то не взирая на жестокіе полицейскіе розыски, она рѣшилась не уѣзжать вовсе, увѣряя, что ничего опаснаго нѣтъ, и что надо продолжать дѣло.

Вообще слѣдуетъ сказать, что въ дѣлахъ Перовская рѣшительно не берегла себя. Эта маленькая, граціозная, вѣчно смѣющаяся дѣвушка удивляла своимъ безстрашіемъ самыхъ смѣлыхъ мужчинъ. Природа, казалось, лишила ее способности чувствовать страхъ, и потому она просто не замѣчала опасности тамъ, гдѣ ее видѣли другіе. Чтобы показать, до какой степени она бывала неосторожна, достаточно сказать, что, напримѣръ, послѣ московскаго взрыва, желая поскорѣе узнать о его результатахъ, она замѣшалась въ толпу желѣзнодорожныхъ рабочихъ, тѣснившихся вокругъ мины, находившейся, какъ извѣстно, у самаго Сухоруковскаго дома. Впрочемъ, Перовская никогда не признавала себя неосторожной. Къ счастью, необыкновенная находчивость выручала ее изъ самыхъ, повидимому, отчаянныхъ положеній. Особенно хороша она была въ подобныхъ случаяхъ въ роляхъ простыхъ женщинъ —бабъ, мѣщанокъ, горничныхъ, которыя очень любила и въ которыхъ доходила до виртуозности.

Примѣровъ ея чрезвычайной ловкости можно насчитать множество. Мы приводимъ два изъ нихъ, забѣгая, однако,

немного впередъ. Они относятся къ интересному періоду ея участія въ московскомъ подкопѣ и не вошли въ печатавшіеся объ этомъ дѣлѣ отчеты.

Однажды купецъ сосѣдъ зашелъ къ Сухорукову по дѣлу о закладѣ дома. Хозяина не оказалось на ту пору. Перовской очень не хотѣлось допустить нежданнаго посѣтителя до осмотра дома, и во всякомъ случаѣ нужно было оттянуть время, чтобы дать товарищамъ возможность убрать все подозрительное.

Она внимательно выслушала купца и переспросила. Тотъ повторилъ. Перовская съ самымъ наивнымъ видомъ опять переспрашиваетъ. Купецъ старается объяснить какъ можно вразумительнѣе, но безтолковая хозяйка съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ:

— Ужъ и не знаю! Ужо какъ скажетъ Михайло Иванычъ.

Купецъ опять силится объяснить. А Перовская все твердитъ:

— Да вотъ Михайло Иванычъ пріѣдетъ. Я ужъ не знаю!

Долго шли у нихъ эти объясненія. Нѣсколько товарищей, спрятанныхъ въ каморкѣ за тонкой перегородкой и смотрѣвшихъ сквозь щели на всю эту сцену, просто душились отъ подавленнаго смѣха: до такой степени естественно играла она роль дуры мѣщанки. Даже ручки на животикѣ сложила по мѣщански.

Купецъ махнулъ наконецъ рукой:

— Нѣтъ ужъ, матушка, я ужъ лучше послѣ зайду!

Онъ дѣйствительно махнулъ рукой и ушелъ къ великому удовольствію Перовской.

Въ другой разъ гдѣ-то въ двухъ шагахъ случился пожаръ. Сбѣжались сосѣди выносить вещи. Разумѣется, войди они въ домъ, все-бы погибло. А между тѣмъ какая возможность не пустить? Однако, Перовская нашлась: она схватила икону, выбѣжала на дворъ и со словами: «не трогайте, не трогайте, божья воля!» стала противъ огня и простояла, пока не былъ потушенъ пожаръ, не впустивъ никого въ домъ подъ предлогомъ, что отъ божьей кары слѣдуетъ защищаться молитвой.

* * *

Недѣли три послѣ неудачной попытки къ освобожденію Войнаральскаго, случилось маленькое приключеніе, оторвавшее на минуту Перовскую отъ дорогого ей дѣла. Полагаясь на оправдательный приговоръ, или скорѣе—на нерасторопность полиціи, она заѣхала въ Крымъ, въ Приморское, повидаться съ матерью; но почти тотчасъ она была арестована и отправлена административнымъ порядкомъ въ Повѣнецъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Но теперь ее не стѣсняло уже никакое нравственное обязательство, какъ было передъ процессомъ, и потому она рѣшилась бѣжать, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, и дѣйствительно бѣжала, сама, безъ вся-

кой посторонней помощи, не предупредивъ даже никого изъ своихъ. И прежде чѣмъ распространилась вѣсть о ея побѣгѣ, она, какъ ни въ чемъ не бывало, явилась въ Петербургъ, разсказывая со смѣхомъ подробности этой своей продѣлки — простой, невинной и почти граціозной, составляющей такой-же контрастъ съ трагическими событіями ея жизни, какъ веселенькій горный цвѣтокъ среди дикихъ и угрюмыхъ утесовъ швейцарскаго Diableret. Она попросту воспользовалась избыткомъ предосторожностей, употребляемыхъ сторожившими ее жандармами, которые, не спуская съ нея глазъ днемъ, ночью легли спать въ одной съ ней комнатѣ, одинъ—у окна, другой—у двери. Въ своемъ рвеніи они не обратили однако вниманія, что дверь отворяется не во внутрь, а наружу, такъ что, когда жандармы захрапѣли, Перовская тихонько отворила дверь, не обезпокоивъ своего цербера, и, спокойно перешагнувъ черезъ него, незамѣтно выскользнула изъ вокзала. Прождавъ нѣсколько времени въ рощѣ, она сѣла въ первый почтовой поѣздъ, не взявъ билета, чтобы жандармы не могли справиться о ней у кассира. Притворившись безтолковой деревенской бабой, не знающей никакихъ порядковъ, она, не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія, получила отъ кондуктора билетъ и преспокойно доѣхала до Петербурга, тѣмъ временемъ какъ въ Чудовѣ проснувшіеся жандармы метались, какъ угорѣлые, отыскивая ее повсюду.

Какъ интересную для характеристики С. Перовской подробность, упомянемъ, что, не смотря на твердое рѣшеніе бѣжать, она долго не приводила своего намѣренія въ исполненіе, пропуская очень удобные случаи, потому что во всю дорогу отъ самаго Симферополя ей, какъ нарочно, попадались жандармы, что называется—«добрые», представлявшіе ей всякую свободу, и она не хотѣла ихъ «подводить». Только подъ самымъ почти Петербургомъ, къ счастью для русской революціи, ей попались чистокровные церберы.

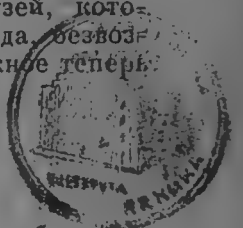
Въ Петербургѣ Перовская пробыла, однако, очень недолго. Всѣ предыдущія неудачи не только не сломили, но, казалось, даже усилили въ ней жажду осуществить свой завѣтный планъ освобожденія. Она ѣдетъ снова въ Харьковъ и, не смотря на опасность своего положенія въ этомъ городѣ, приступаетъ къ самой дѣятельной работѣ. Теперь она замышляетъ уже произвести массовое освобожденіе—если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ значительной части заключенныхъ. Дѣло было неимовѣрно трудное и затруднялось для нея еще ея нелегальнымъ положеніемъ. Перовская преодолѣла, однако, первыя препятствія и подготовила очень многое: ей удалось подыскать людей, устроить наблюденіе за центральной тюрьмой и завести сношенія съ заключенными. Относящіяся къ этому періоду письма, которыя она писала въ Петербургъ,

дышать вѣрой въ возможность осуществленія ея плана. Она просила только поддержки—людьми и деньгами. Деньги посылались въ достаточномъ количествѣ, но въ людяхъ почти всегда приходилось отказывать по множеству другихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, главную массу работы Перовской приходилось нести на своихъ плечахъ. Сверхъ разнообразныхъ конспираціонныхъ работъ по своему предпріятію, она взяла на себя столь хлопотливое дѣло снабженія заключенныхъ провизіей, книгами, платьемъ и исполняла это съ обычной своей добросовѣстностью и усердіемъ: одна ея пріятельница разсказываетъ, какъ по нѣсколько дней расхаживала она по магазинамъ, прежде чѣмъ купить ту или другую вещь для централочныхъ, объясняя, что, молъ, тѣ чулки и фуфайки кажутся ей недостаточно прочными или теплыми. Всѣ эти занятія не помѣшали ей поступить подъ фальшивымъ паспортомъ на акушерскіе курсы, пройти ихъ въ 8 мѣсяцевъ до конца, отлично выдержать экзаменъ и получить дипломъ — все съ цѣлью устроиться когда-нибудь въ деревнѣ для пропаганды среди крестьянства. При всемъ томъ у нея хватало еще времени на обширную пропаганду среди молодежи, гдѣ она имѣла массу знакомствъ и организовала мѣстный кружокъ, просуществовавшій болѣе двухъ лѣтъ.

Возможность такой необыкновенной разносторонности объясняется самымъ характеромъ С. Перовской: въ революціонную дѣятельность она вносила ту-же серьезную дѣловитость, которую вноситъ въ свои дѣла англійскій банкиръ, создавшій поговорку «time is money» (время — деньги). Она не была диллетантомъ или артистомъ революціи, а именно ея работникомъ, дѣльцомъ. Вскормленная и вспоенная, можно сказать, на лонѣ «дѣла», она прониклась имъ вся, вполнѣ, и потому всему прочему почти не отдавала ни мыслей, ни времени. Рѣдкая минута пропадала у нея даромъ. Если она приходила къ кому-нибудь, то не иначе, какъ по какому-нибудь дѣлу или въ виду будущаго дѣла. Посидѣвъ сколько нужно, она уходила, не тратя никогда часовъ и вечеровъ для одного только удовольствія быть въ обществѣ пріятныхъ людей. Впрочемъ, дѣловитость никогда не переходила у Перовской въ деревянность, въ казенную сухость въ ея отношеніяхъ къ людямъ. Напротивъ, она очень любила и людей, и общество, но только дѣло она любила еще больше. Пріятельская болтовня, послѣ нѣкоторой, весьма умѣренной дозы, становилась ей скучной и безъ малѣйшей тѣни рахметовской угловатости, съ такой-же простотой и естественностью, съ какой болтала и шутила сама, она уходила и мчалась куда-нибудь на другой конецъ города своей быстрой ровной походкой неутомимаго скорохода, засунувъ руки въ рукава пальто или маленькую муфточку, наклонивъ немного впередъ свою гладко причесан-

ную русую головку и не поднимая глазъ съ земли, серьезная, сосредоточенная и слегка насупленная, точно и дорогою она продолжала думать о «дѣлахъ», чтобы не тратить понапрасну времени. — И подобный образъ жизни она могла вести безъ малѣйшаго утомленія мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, потому что она слѣдовала влеченію собственной натуры, не насилуя себя ни въ ту, ни въ другую сторону.

Однако, даже при ея энергіи, ея способностяхъ и упрямствѣ, не было никакой возможности довести до конца колоссальнаго дѣла, задуманнаго ею. Мало по малу организація «Земли и Воли» совершенно перестала поддерживать ее. Борьба съ правительствомъ, разгоравшаяся все болѣе и болѣе, поглощала всѣ наличныя силы. Перовская дѣлала все возможное и невозможное, чтобы привлечь кое-кого къ своему предпріятію. Но мѣсяца два спустя послѣ Мезенцовскаго дѣла общество «Земля и Воля» должно было вынести жесточайшій погромъ: наиболѣе дѣятельные изъ членовъ были арестованы, связи подорваны, а съ ними сокращены и денежныя средства. Оставшимся на свободѣ приходилось работать за четверыхъ, чтобы только сохранить цѣлость организаціи. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о попыткѣ освободить централочныхъ. Перовская поняла это. На видъ спокойная и даже не особенно грустная, по ночамъ она рыдала, уткнувшись головой въ подушки: ей приходилось бросать на произволъ судьбы своихъ несчастныхъ товарищей и друзей, которыхъ она такъ безгранично любила, бросать навсегда, безвозвратно, потому что она видѣла ясно, что невозможное теперь сдѣлается потомъ еще болѣе невозможнымъ.



III.

Въ концѣ 1878 г. Перовская пріѣхала въ Петербургъ, и только съ этого времени начинается ея дѣятельное участіе въ движеніи. Но когда послѣ такого долгаго отсутствія она снова явилась на поле битвы, все здѣсь перемѣнилось: люди, тенденціи, способы дѣйствія. Безъ нея, безъ ея вѣдома назрѣло новое направленіе, оформившееся впослѣдствіи окончательно въ «Народной Волѣ». Политическая революція, признаваемая безплодной и безполезной старымъ революціоннымъ поколѣніемъ, была провозглашена теперь необходимой ступенью къ революціи соціальной.

Долго колебалась Перовская, прежде чѣмъ примкнуть къ этому направленію, отодвигавшему на второй планъ чисто соціалистическую дѣятельность. Народовольцамъ, желавшимъ, разумѣется, привлечь на свою сторону такую силу, пришлось сломать не мало копій въ диспутахъ съ ней.

— Ничего съ этой бабой не подѣлаешь!—не разъ восклицалъ Желябовъ.

Но нѣтъ ничего безпощаднѣе факта, и ни предъ чѣмъ не склонявшаяся Перовская должна была положить оружіе. Она примкнула, наконецъ, къ новому направленію, такъ какъ, дѣйствительно, оно было единственное фактически возможное при условіяхъ, созданныхъ правительствомъ. А разъ примкнувши, она отдалась ему всецѣло, безъ оглядки, какъ всѣ цѣльныя натуры, и именно въ могучей борьбѣ съ самодержавіемъ и обнаружила во всемъ блескѣ свои дарованія и энергію.

Не станемъ излагать исторіи дѣятельности Перовской за послѣдніе два года ея жизни: при ея умѣньи работать это доступно лишь для обширной біографіи, а не для краткаго очерка.

Она принимаетъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ выплывшихъ наружу покушеніяхъ и во многихъ другихъ, оставшихся неизвѣстными, и она была самымъ полезнымъ человѣкомъ во всѣхъ организаціонныхъ работахъ, потому что при своемъ холодномъ, проницательномъ умѣ умѣла предвидѣть, оцѣнить и взвѣсить самыя ничтожныя мелочи, отъ которыхъ часто зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятій, наиболѣе грандіозныхъ. Она-же была членомъ кружка, руководившаго съ рѣдкимъ у насъ успѣхомъ рабочимъ дѣломъ въ Петербургѣ. Не довольствуясь собственной кипучей дѣятельностью, она организовала вспомогательныя группы для частныхъ функцій. Она заводила обширныя связи съ молодежью, и послѣ своихъ чисто конспираціонныхъ работъ наибольшую часть времени посвящала дѣятельности именно въ этой средѣ, откуда революція до сихъ поръ черпаетъ свои главныя силы.

Перовская горячо любила эту среду; и едва ли можно указать въ нашей партіи человѣка, дѣятельность котораго здѣсь была-бы до такой степени плодотворна. Она завоевывала себѣ всѣ симпатіи молодежи своей простотой, отсутствіемъ какого бы то ни было желанія рисоваться и импонировать своимъ прошлымъ; она очаровывала ее своимъ умомъ, покоряла непреодолимо убѣдительной рѣчью и, главное, умѣла одушевить, увлечь собственной заразительной преданностью дѣлу, сквозившею изъ всего ея существа. Любовь и энтузіазмъ къ ней во всѣхъ кружкахъ, гдѣ ей приходилось дѣйствовать достаточно долго, — въ Харьковѣ, Петербургѣ, Симферополѣ, — переходили въ настоящій культъ. Вліяніе ея на молодыя души было неизгладимо именно потому, что она своей личностью дѣйствовала на самыя глубокія нравственныя стороны человѣческой натуры.

Вслѣдствіе такой долгой жизни въ революціонномъ мірѣ она научилась отлично узнавать и выбирать людей и умѣла управлять ими, какъ немногіе. Вообще, мало кто ввелъ въ рево-

люціонную партію такую массу свѣжихъ, здоровыхъ и надежныхъ силъ, какъ С. Перовская.

Однако, этими частными трудами не исчерпываются услуги, оказанныя Перовской революціонному дѣлу. Рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить массу мелкихъ, неуловимыхъ, ежедневныхъ, можно сказать, ежечасныхъ услугъ, которыя ускользаютъ и отъ историка, и отъ біографа.

По натурѣ своей она принадлежала къ числу тѣхъ людей, пріобрѣтеніе которыхъ всего драгоцѣннѣе для какихъ-бы то ни было организацій, и Желябовъ, знавшій толкъ въ людяхъ, недаромъ былъ въ «необычайной радости», когда сообщалъ своимъ противникамъ — чернопередѣльцамъ о томъ, что Софья Львовна формально присоединилась, наконецъ, къ организаціи «Народной Воли».

Различны и многообразны типы людей, которыхъ должна имѣть въ своихъ нѣдрахъ живая, воинствующая революціонная партія, чтобы быстро и неуклонно шествовать по своему тернистому пути. — Ей нужны мыслители, которые умѣли-бы угадать потребности минуты, понять негодность старыхъ путей и во время указать новые; ей нужны поэты и пророки, которые въ трудныя годины испытаній и сомнѣній сумѣли-бы влить въ души товарищей свою вдохновенную вѣру въ будущее партіи и въ самихъ себя; ей нужны воины, которые рвались-бы къ бою изъ любви къ бою, нейтрализуя вліяніе скептиковъ и медлителей; ей нужны агитаторы, ораторы, финансисты.

Но все это частныя функціи, которыя могутъ быть соединены въ гармоническое цѣлое только подъ условіемъ присутствія въ организаціи людей совершенно особаго типа, которыхъ можно назвать людьми революціоннаго долга, организаціонной дисциплины и исполнительности. Благодаря имъ-то ведется хорошо, правильно и аккуратно скучная, повседневная революціонная работа, отъ которой въ сущности зависитъ успѣхъ исключительныхъ, блестящихъ дѣяній, подобно тому, какъ отъ темныхъ физіологическихъ процессовъ зависятъ факты высшаго проявленія человѣческаго духа, или отъ ничтожныхъ, чисто матеріальныхъ вопросовъ продовольствія и экипировки арміи — участь великихъ сраженій. Эти-то суровые, сварливые цензоры блюдутъ за храненіемъ революціонной тайны, составляющей двѣ-трети успѣха въ конспираціонныхъ дѣлахъ; тончa безъ всякой пощады самыя нѣжныя сердечныя струны своихъ товарищей, они-то не даютъ организаціи расплыться въ окружающемъ революціонномъ мірѣ, сохраняя ее цѣльнымъ, рѣзко обособленнымъ, крѣпкимъ и живымъ организмомъ, способнымъ развить до максимальной величины и свою силу нападенія, и силу сопротивленія ударамъ враговъ. Отнимите этихъ людей, и самая лучшая организація распадется,

превратится въ груду развалинъ, въ безформенную массу, какъ зданіе, въ которомъ вода внезапно растворила весь цементъ, или какъ тѣло, изъ котораго вдругъ вынутъ весь костный остовъ.

Не удивительны поэтому примѣры, что люди такого типа пріобрѣтаютъ въ организаціяхъ огромное значеніе и вліяніе, не будучи даже одарены ни особенными талантами, ни выдающимся умомъ. Если-же природа надѣлила ихъ тѣмъ и другимъ, то изъ нихъ-то выходятъ основатели кружковъ и организацій, нравственные диктаторы, имена которыхъ передаются отъ одного революціоннаго поколѣнія къ другому много лѣтъ спустя послѣ того, какъ и они сами, и основанныя ими организаціи сошли съ исторической сцены.

Софія Перовская принадлежала къ числу наиболѣе цѣльныхъ и яркихъ представителей этого типа революціонныхъ дѣятелей. Трудно было найти человѣка, болѣе дисциплинированнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе строгаго. Во всемъ, касающемся дѣла, она была требовательна до жестокости, и о ней говорили не даромъ, что она способна довести человѣка до самоубійства за малѣйшій промахъ. Но строгая къ другимъ, она была еще строже къ себѣ самой. Чувство долга было самой выдающейся чертой ея характера. Она культивировала въ себѣ эту суровую добродѣтель, точно желая вытѣснить ею всѣ прочія стороны своей натуры, казавшіяся ей вылитыми изъ слишкомъ непрочнаго металла. И дѣйствительно, при своей желѣзной волѣ она съумѣла выработать изъ себя истиннаго стоика, способнаго выносить, не согнувшись, самые ужасные удары судьбы. Никогда никто не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы, ни одного стона. Она все умѣла таить въ себѣ, подавляя нравственную боль, презирая физическія страданія. Больная, едва держащаяся на ногахъ, съ адомъ въ душѣ, потому что наканунѣ погибъ человѣкъ, бывшій ея великой, первой и единственной любовью, она твердо беретъ въ свои руки руководство дѣломъ 1 Марта и безъ минуты слабости ведетъ его до конца. Узнавъ о близкой, неминучей, ничѣмъ неотвратимой казни дорогаго человѣка, она ни на мгновеніе не оставляетъ строя: она рыскаетъ по городу, имѣя по семи свиданій въ день; спокойная и бодрая, она ведетъ по прежнему дѣла, и никому изъ видѣвшихъ ее въ эти ужасные дни не приходитъ въ голову, какая безконечная мука таится въ ея груди.

И однако, подъ стоически спокойной внѣшностью въ этой героической натурѣ скрывалась другая сторона, которая лишь изрѣдка, какъ молнія на темномъ грозовомъ небѣ, прорывалась сквозь одѣвавшее ее спокойствіе, но которая одна давала такую мощь ея слову и такую силу ея рукѣ.

Духъ ея былъ настолько-же могучъ, какъ и умъ. Ужасная работа непрерывной конспираціи при русскихъ условіяхъ, эта

работа, истощающая, какъ на адскомъ огнѣ, самые сильные темпераменты, потому что безпощадный богъ Революціи требуетъ въ жертву не жизнь, не кровь своихъ служителей — о, если-бы онъ требовалъ только этого! — а лучшій сокъ ихъ нервовъ и мозга, душу ихъ души: энтузіазмъ, вѣру — иначе онъ отвергаетъ, отталкиваетъ ихъ презрительно, безжалостно, — эта ужасная работа не могла надломить душу Софіи Перовской.

Въ теченіи одиннадцати лѣтъ стоитъ она на бреши, присутствуя при огромныхъ потеряхъ и огромныхъ разочарованіяхъ, и все таки вновь и вновь бросается она въ самую жестокую сѣчу. Она сумѣла сохранить въ груди нетронутую искру божественнаго огня. Ея стоицизмъ и суровый культъ долга были лишь мантіей, дѣлавшей ее похожей на античныхъ героевъ, а не мрачнымъ и унылымъ саваномъ, подъ которымъ благородныя и несчастныя души хоронятъ свои разбитыя вѣрованія и надежды. Не смотря на весь свой стоицизмъ, не смотря на видимую холодность, въ глубинѣ души она остается вдохновенной жрицей, потому что подъ ея сверкающей стальной броней все-же билось сердце женщины. А женщины, должно сознаться въ этомъ, много-много богаче мущинъ этимъ божественнымъ даромъ. Вотъ почему имъ прежде всего обязано русское революціонное движеніе своимъ почти религіознымъ пыломъ; вотъ почему, пока въ немъ останутся женщины, оно будетъ непобѣдимымъ.

* * *

Софія Перовская была не только руководителемъ и организаторомъ; она первая шла въ огонь, жаждая наиболѣе опасныхъ постовъ. Это-то и давало ей, быть можетъ, такую власть надъ сердцами. Когда, устремивъ на человѣка свой пытливый взглядъ, проникавшій, казалось, въ самую глубину души, она говорила со своимъ серьезнымъ видомъ: пойдемъ! — кто могъ отвѣтить ей: не пойду?... Она сама шла съ увлеченіемъ, съ энтузіазмомъ крестоносца, идущаго на завоеваніе гроба Господня. Съ бою отнимаетъ она мѣсто хозяйки дома въ московскомъ подкопѣ у другой женщины-бойца, Якимовой, требовавшей, чтобы оно было дано ей. Лишь послѣ долгаго сопротивленія соглашается она уступить мѣсто хозяйки сыроварни въ подкопѣ на Садовой. Когда въ московскомъ покушеніи, участники рѣшаютъ оставить ее въ домѣ, чтобы слѣдить за прибытіемъ императорскаго поѣзда и дать сигналъ къ взрыву, прощаясь со своими товарищами по работѣ, покидавшими роковой домъ, она говоритъ, на единѣ одному изъ нихъ, что «счастлива, очень счастлива», что это порученіе выпало на ея долю.

Что-же касается до рѣшительности и хладнокровія въ испол-

ненiи, то трудно, а можетъ быть и не возможно найти слова, достаточно сильныя, чтобы выразить ихъ. Довольно вспомнить, что въ московскомъ покушенiи всѣ шесть или восемь мужчинъ рабочихъ, которые, конечно, не были первыми встрѣчными, поручили именно Перовской воспламенить выстрѣломъ изъ револьвера бутылку съ нитроглицериномъ, чтобы взорвать все и всѣхъ, въ случаѣ, если-бы полицiя явилась ихъ арестовывать.

Не будемъ говорить о ея роли въ дѣлѣ 1 Марта, потому что это значило-бы повторять то, что всѣмъ извѣстно.

Приведемъ, однако, одну подробность, о которой не могли знать газеты. Рѣшенiя Исполнительнаго Комитета относительно предстоящаго покушенiя должны были по необходимости ограничиться самыми общими чертами. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что, въ виду недостаточнаго изслѣдованiя недавно изобрѣтенныхъ бомбъ Кибальчича, метальщиковъ рѣшено было употребить лишь въ видѣ резерва на случай неудачи взрыва на Садовой, — и только въ крайнемъ случаѣ отдѣльно.

Подробности примѣненiя этого плана были предоставлены Перовской, и когда, стоя на посту, она узнала, что царь направился новой дорогой, она поняла, что этотъ крайнiй случай наступилъ, и уже по собственной инiцiативѣ, какъ опытный полководецъ, по глазомѣру перемѣнила передъ лицомъ непрiятеля фронтъ, выбрала новую позицiю и быстро заняла ее своимъ резервомъ-метальщиками. Этому-то рѣшительному маневру и обязаны революцiонеры своей грозной побѣдой.

Императорскiй прокуроръ, желая показать безсилiе Исполнительнаго Комитета, сказалъ, что лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить порученiе руководства предпрiятiемъ такой важности слабой рукѣ женщины. Исполнительный Комитетъ, очевидно, понималъ лучше, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и Перовская доказала, что онъ не ошибся.

* * *

Она была арестована недѣлю спустя послѣ дѣла на Екатерининскомъ каналѣ, потому что ни за что не хотѣла покинуть столицу.

Спокойная и серьезная, безъ малѣйшей тѣни рисовки предстала она предъ судомъ, не думая ни объ оправданiи, ни о самовосхваленiи, — простая и скромная, какъ жила, возбудивъ удивленiе даже враговъ.

Въ краткой рѣчи она просила только не отдѣлять ее, какъ женщину, отъ прочихъ ея товарищей по дѣлу; и просьба эта была исполнена.

Шесть безконечныхъ дней казнь все откладывалась и откладывалась, хотя законный срокъ для кассацiи и просьбъ о помилованiи назначенъ всего въ три дня.

Какова была причина этого промедленія? Что дѣлалось въ это время съ осужденными? Никому неизвѣстно.

Слухи самые зловѣщіе упорно носились по городу. Увѣряли, что по азіатски-хитрому совѣту Лорисъ-Меликова, осужденные были подвергнуты пыткѣ, съ цѣлью вырвать у нихъ признанія, — не до суда, а послѣ него, потому что тогда никто уже больше не могъ услышать ихъ голоса.

Были-ли то пустыя выдумки или чьи-нибудь нескромныя разоблаченія? Никому неизвѣстно.

Не имѣя прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, мы не хотимъ возводить подобныхъ обвиненій даже противъ нашихъ враговъ. Есть, однако, одинъ несомнѣнный фактъ, значительно усиливающій правдоподобность этихъ упорныхъ слуховъ: голосъ осужденныхъ дѣйствительно никѣмъ услышанъ не былъ.

Посѣщенія родныхъ, которыя по исконному гуманному обычаю дозволяются всѣмъ ожидающимъ смерти, упорно запрещались осужденнымъ, неизвѣстно по какой причинѣ и съ какою цѣлью. Правительство не постыдилось даже прибѣгнуть къ недостойнымъ уловкамъ, чтобы избавиться отъ докучливыхъ просителей.

Мать Софіи Перовской, обожавшая дочь, примчалась изъ Крыма по первому извѣстію о ея арестѣ. Она видитъ ее въ послѣдній разъ въ день приговора. Всѣ остальные пять дней, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, ее каждый разъ отсылали изъ Дома Предварительнаго заключенія. Наконецъ ей сказали, что она можетъ видѣть дочь утромъ 2 апрѣля.

Она пришла; но въ ту минуту, когда она подходила къ тюрьмѣ, ворота распахнулись, и она дѣйствительно увидѣла дочь, — но уже на роковой колесницѣ...

То былъ мрачный поѣздъ осужденныхъ къ мѣсту казни.

Не стану описывать отвратительныхъ подробностей этой бойни...

«Я присутствовалъ, говоритъ корреспондентъ Kölnishe Zeitung, на дюжинѣ казней на Востокѣ, но никогда не видалъ подобной живодерни (Schinderei).»

Всѣ осужденные умерли мужественно.

«Кибальчичъ и Желябовъ очень спокойны. Тимофей Михайловъ блѣденъ, но твердъ. Лицо Рысакова мертвенно блѣдно. Софія Перовская выказываетъ поразительную силу духа. Щеки ея сохраняютъ даже розовый цвѣтъ, а лицо ея, неизмѣнно серьезное, безъ малѣйшаго слѣда чего-нибудь напускнаго, полно истиннаго мужества и безграничнаго самоотверженія. Взглядъ ея ясенъ и спокоенъ; въ немъ нѣтъ ни-тѣни рисовки...»

Все это говоритъ не революціонеръ, даже не радикалъ, а корреспондентъ той-же Kölnishe Zeitung (16 апрѣля 1881 г.), котораго никакъ нельзя заподозрить въ избыткѣ симпатій къ русскимъ «нигилистамъ».

Въ девять часовъ съ четвертью Софія Перовская была уже трупомъ...

Прилагаемъ, какъ драгоцѣнный документъ, единственное дошедшее до насъ письмо С. Перовской къ матери, писанное наканунѣ приговора съ цѣлью приготовить ее по возможности къ ужасному удару.

Вся Перовская со своей чистой и великой душой отражается въ немъ. Не будемъ-же портить его комментаріями.

«Дорогая моя, неоцѣненная мамуля! Меня все давитъ и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя ради всѣхъ окружающихъ тебя и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ давно знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право-же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать-же противъ нихъ я была не въ состояніи; поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неоцѣненная; это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что-бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь; но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Безпокойство о тебѣ было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебѣ причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

Мысленно крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля: купи мнѣ воротничекъ и руковчики съ пуговками, потому запонокъ не позволяютъ носить, и воротничекъ поуже, а то нужно для суда хоть нѣсколько поправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданья-же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя изъ за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ.

22 марта 1881 г. «Твоя Соня».

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ о С. Л. ПЕРОВСКОЙ.

(Изъ «Подпольной Россіи» С. Степняка).

Перовскую я увидѣла въ первый разъ у Оленина, моего стараго пріятеля, служившаго чиновникомъ въ одномъ департаментѣ. Блѣдная, какъ полотно, она едва волочила ноги и лишь только вошла въ комнату, тотчасъ-же легла на кушетку. Она пришла за мѣсячнымъ сборомъ, который Оленинъ дѣлалъ среди своихъ товарищей: сумма была очень скромная—всего какихъ нибудь сто рублей въ мѣсяцъ. Къ несчастью деньги еще не были внесены, такъ что Оленинъ ничего не могъ дать ей. У меня было въ карманѣ сто рублей, данные мнѣ для передачи одной особѣ, которая должна была на дняхъ пріѣхать въ Петербургъ. Я предложила ихъ Перовской взаймы на два дня, не сомнѣваясь, что при такомъ состояніи здоровья, да еще въ такую пору — было уже около одиннадцати часовъ ночи—никто не явится за деньгами безъ самой крайней нужды.

Но Перовская не приняла моего предложенія, говоря, что не увѣрена въ возможности отдать мнѣ деньги въ такой короткій срокъ. Тѣмъ временемъ она разсказала намъ, что истратила все до копѣйки, потому что за ней гнался шпіонъ, и ей пришлось нѣсколько разъ мѣнять извощика. Она прибавила, что не вполнѣ увѣрена, удалось ли ей замести слѣды, и что ежеминутно полиція можетъ явиться за ней къ Оленину.

Необходимо было выпроводить ее какъ можно скорѣе. Мы высыпали все, что у насъ было въ кошелькахъ, въ ея портмоне. Что касается Оленина, то онъ былъ старый волкъ, и квартира его была всегда совершенно «чиста», но у меня была въ карманѣ пачка послѣдняго номера «Народной Воли». Чтобы не бросать ее въ печку, Перовская взяла ее съ собою, сказавши, что если ее арестуютъ со всѣмъ этимъ, ей отъ того ни тепло ни холодно.

Она торопливо вышла, но передъ уходомъ сказала, что желала бы имѣть со мной свиданіе, если будетъ «жива».

Мы назначили мѣсто и часъ, но она не явилась, и я страшно испугалась, потому что мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что она арестована. На другой день меня однако успокоили: Перовская была «жива», но не могла выходить изъ дому по причинѣ тяжкой болѣзни.

Все это происходило за два или за три дня до перваго (тринадцатаго) марта. Какъ я узнала впослѣдствіи, наканунѣ нашей встрѣчи у Оленина былъ арестованъ Желябовъ...

Утромъ перваго марта — это было воскресенье—я отправилась къ одной пріятельницѣ въ Гатчину, бывшую въ то время однимъ изъ самыхъ тихихъ городковъ богоспасаемой матушки Россіи, — не то, что теперь.

Первое извѣстіе о петербургскихъ событіяхъ мы получили въ понедѣльникъ утромъ отъ горничной. Около часу дня зашелъ къ намъ мѣстный батюшка и сообщилъ, что онъ тоже слыхалъ кое-что объ этомъ отъ мужиковъ, возвращавшихся изъ Петербурга. Однако никакихъ официальныхъ подтвержденій пока еще не было. Но къ вечеру пріѣхала старшая сестра Нади и привезла цѣлую кучу газетъ.

Нѣтъ нужды описывать, что мы тогда перечувствовали. Надя даже слегла.

Затѣмъ наступили поистинѣ ужасные дни, дни мучительныхъ сомнѣній, подозрительности, страха. Казалось, наступило свѣтопреставленіе. Каждый номеръ газеты приносилъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ полиціи и новыхъ строгостяхъ. Мы узнали о страшномъ дѣлѣ на Телѣжной улицѣ, о самоубійствѣ неизвѣстнаго человѣка. И аресты каждый день, аресты безъ конца, то въ одиночку, то цѣлыми массами,

Какъ сунуться въ этотъ адъ? Какъ оставаться въ Гатчинѣ въ мукахъ неизвѣстности? Въ концѣ концовъ я не выдержала и отправилась въ Петербургъ. Это было въ четвергъ.

Городъ, весь въ траурѣ, производилъ невыразимо тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Дома, балконы, окна, фонари на улицахъ—все было задрапировано чернымъ и бѣлымъ. Я прямо направилась къ Дубровиной.

Вся семья была въ сборѣ, и на всѣхъ лицахъ написанъ былъ одинъ паническій страхъ. Дубровина, увидѣвши меня, вскрикнула отъ испуга. Видъ остальныхъ былъ не лучше.

— И принесла-же васъ нелегкая! Чего вамъ не сидѣлось въ Гатчинѣ? Зачѣмъ вы сюда пришли? Развѣ вы не знаете, что за мной слѣдятъ? куда я дѣну васъ теперь?

Все это Дубровина говорила прерывающимся отъ волненія голосомъ, бѣгая изъ угла въ уголъ по комнатѣ и только изрѣдка останавливаясь передо мной.

— Зачѣмъ я не осталась въ Гатчинѣ? Зачѣмъ явилась сюда? Вотъ поди-жъ ты! — думала я про себя.

Черезъ нѣсколько дней моя пріятельница подобрѣла и въ теченіе слѣдующихъ трехъ недѣль я не разъ по прежнему ночевала въ ея домѣ. Но въ этотъ день она была безжалостна. Гнѣвъ ея противъ меня былъ въ самомъ разгарѣ, когда вдругъ въ комнату вошла какая-то незнакомая дама, очень прилично

одѣтая, и заявила, что желаетъ сказать г-жѣ Дубровиной нѣсколько словъ наединѣ.

Во мгновенье ока въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина. Мы съ испугомъ переглянулись. Семья была уже въ тревогѣ, такъ какъ младшая сестра Дубровиной ушла изъ дому съ утра и до сихъ поръ не возвращалась. Никто не зналъ, гдѣ она, и первой нашей мыслью было, что съ ней приключилось что-нибудь недоброе.

Вскорѣ, однако, Дубровина вернулась и, отведя меня въ сторону, сказала, что дама эта пришла ко мнѣ отъ Софіи Перовской.

Я чуть не подпрыгнула отъ радости. Соня была «жива» и очевидно собиралась ѣхать за границу. Мнѣ и въ голову не приходило, что я могу быть нужна ей для чего-нибудь другого, такъ какъ переправа черезъ границу составляла мою давнишнюю и единственную спеціальность.

Съ такими розовыми мыслями вошла я въ комнату, гдѣ меня ожидала Перовская. Она встала мнѣ на встрѣчу. Я начала съ того, какъ я рада, что она наконецъ рѣшилась ѣхать за границу.

Она вытаращила на меня глаза, точно я сказала величайшую нелѣпость.

Понявъ свою ошибку, я начала просить, умолять ее оставить Петербургъ, гдѣ ее такъ сильно искали. Я не подозрѣвала даже въ то время о томъ, какую роль она играла въ дѣлѣ перваго марта, но ея участіе въ московскомъ покушеніи было уже разсказано Гольденбергомъ, какъ о томъ печатали всѣ газеты, и этого по моему было за глаза довольно, чтобы оставить Петербургъ въ такое время.

Но на всѣ мои доводы и просьбы она отвѣчала категорическимъ отказомъ.

— Нельзя оставить городъ въ такую важную минуту. Теперь здѣсь столько работы; нужно видѣть такое множество народу.

Она была въ большомъ энтузіазмѣ отъ грозной побѣды партіи, вѣрила въ будущее и видѣла все въ розовомъ свѣтѣ.

Чтобы положить конецъ моимъ просьбамъ, она объявила, зачѣмъ позвала меня.

Ей хотѣлось узнать что-нибудь о процессѣ цареубійцъ. Дѣло шло о томъ, чтобы сходить къ одной высокопоставленной особѣ, «генералу», человѣку, служившему въ высшей полиціи, который, безъ сомнѣнія, могъ дать намъ свѣдѣнія о процессѣ, хотя слѣдствіе по немъ велось въ величайшей тайнѣ. Этотъ человѣкъ не состоялъ въ правильныхъ сношеніяхъ съ революціонерами. Но случайно я была съ нимъ знакома нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вотъ почему Перовская подумала обо мнѣ. Вопросъ касался ея очень близко. Человѣкъ, ко-

тораго она любила, находился въ числѣ обвиняемыхъ. Хотя страшно скомпрометированный, онъ случайно не принималъ никакого участія въ дѣлѣ перваго марта. И она надѣялась.

Я сказала ей, что пойду охотно не только къ своему «генералу», но, если она находитъ это нужнымъ, даже къ своему «жандарму», съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я вела сношенія по перепискѣ съ заключенными. Но на послѣднее Перовская не согласилась, говоря, что мой жандармъ прервалъ всякія сношенія съ революціонерами и навѣрное выдастъ меня полиціи, или-же, если побоится моихъ разоблаченій, выпуститъ за мною слѣдить цѣлую свору шпіоновъ. Во всякомъ случаѣ ничего не скажетъ, да, можетъ быть, и самъ ничего не знаетъ. Съ генераломъ-же, напротивъ, бояться было нечего, потому что лично онъ былъ неспособенъ на подлость и въ глубинѣ души сочувствовалъ, до извѣстной степени, революціонерамъ. Было рѣшено, что завтра въ десять часовъ я пойду къ генералу. Перовская хотѣла имѣть отвѣтъ какъ можно скорѣе. Но, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могла назначить свиданія раньше *шести часовъ вечера*. Когда-же я выразила свое удивленіе, она разсказала мнѣ распредѣленіе своего времени: оказалось, что на завтра у нея *семь* свиданій и всѣ въ противоположныхъ концахъ города.

По окончаніи нашихъ переговоровъ Перовская позвала молодого человѣка, члена семейства, гдѣ было наше свиданіе, и послала его въ адресный столъ взять адресъ моего генерала. Дѣвушка, пріятельница хозяйки, была послана Перовскою искать мнѣ ночлегъ, такъ какъ я сказала ей, что у меня его нѣтъ.

Мы опять остались однѣ, и я снова принялась упрашивать ее уѣхать за границу. Предлагала ей, если она находитъ невозможнымъ оставить Россію на долго, уѣхать въ какой-нибудь изъ маленькихъ пограничныхъ городковъ, гдѣ мы можемъ прожить съ ней двѣ-три недѣли. Она ничего не хотѣла слышать и смѣялась надъ моей трусостью, но добродушно. Затѣмъ она перемѣнила разговоръ. Она сказала мнѣ, кто былъ молодой человѣкъ, убитый взрывомъ бомбы, брошенной къ ногамъ царя. Сказала также, что застрѣлившійся на Телѣжной улицѣ былъ Николай Саблинъ, котораго я когда-то знавала. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ при этомъ извѣстіи.

Когда вернулась барышня, посланная искать мнѣ ночлегъ, мы разстались. Перовская спросила, не нужно-ли мнѣ денегъ, чтобы одѣться приличнѣй, прежде чѣмъ идти къ генералу.

На этотъ разъ денегъ у нея были полные карманы, но я сказала ей, что мнѣ ничего не нужно, потому что со мной было довольно приличное платье.

На другой день я отправилась къ генералу, который принялъ

меня гораздо лучше, чѣмъ я ожидала, и сообщилъ самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ. Но какъ они были печальны! Участь Желябова, какъ и всѣхъ прочихъ подсудимыхъ, была безповоротно рѣшена. Процессъ долженъ былъ совершаться только pro forma, для публики.

Съ такими-то свѣдѣніями пришла я къ шести часамъ на свиданіе. Перовская явилась только въ девять. Я вздохнула свободно, завидѣвши ее въ дверяхъ. Лица у насъ обѣихъ были, нельзя сказать, чтобы особенно хорошія: у меня отъ мученія, причиненнаго мнѣ ея позднимъ приходомъ, у нея, какъ она говорила, отъ большой усталости, а, быть можетъ, и отъ чего-нибудь другого. Намъ принесли самоваръ и оставили однѣхъ. Безъ всякихъ предисловій я передала ей, что знала. Я не видѣла ея лица, потому что смотрѣла въ землю. Когда я подняла глаза, я увидѣла, что она дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ она схватила меня за руки, стала нагибаться ниже и ниже и упала ничкомъ, уткнувшись лицомъ въ мои колѣни. Такъ оставалась она нѣсколько минутъ. Она не плакала, а вся дрожала. Потомъ она поднялась и сѣла, стараясь оправиться, но снова судорожнымъ движеніемъ схватила меня за руки и стала сжимать ихъ до боли...

Помню, что я предложила съѣздить въ Одессу, чтобы вызвать кого-нибудь изъ родныхъ Желябова для свиданія. Но она отвѣчала, что не знаетъ ихъ точнаго адреса, и къ тому же слишкомъ поздно, чтобы поспѣть къ процессу. Генералъ удивлялся, зачѣмъ Желябовъ объявилъ себя организаторомъ покушенія. Когда я передала это Перовской, она отвѣчала мнѣ слѣдующими точными словами:

— Иначе нельзя было. Процессъ противъ одного Рысакова вышелъ бы слишкомъ блѣднымъ.

Генералъ сообщилъ мнѣ многія подробности относительно гордаго и благороднаго поведенія Желябова.

Когда я разсказывала это Перовской, то замѣтила, что глаза ея загорѣлись и краска вернулась на ея щеки. Очевидно, это доставляло ей большое удовольствіе. Генералъ сказалъ мнѣ также, что всѣ обвиняемые знаютъ объ ожидающей ихъ участи и выслушали извѣстіе о близкой смерти съ поразительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ.

Услыхавъ это, она вздохнула; она мучилась ужасно; ей хотѣлось плакать, но она сдерживалась. Однако, была минута, когда глаза ея подернулись слезой.

Въ эти дни по городу ходили уже упорные слухи, что Рысаковъ выдаетъ. Но генералъ отрицалъ это, не знаю почему. Помню, что я обратила ея вниманіе на это противорѣчіе, что бы вывести заключеніе, что, быть можетъ, генералъ и самъ не знаетъ всего. Мнѣ, по просту, хотѣлось успокоить ее такъ или иначе, но она отвѣчала мнѣ:

— Нѣтъ, я увѣрена, что все это такъ, потому что и тутъ онъ, должно быть, правъ. Я знаю Рысакова и убѣждена, что онъ ничего не скажетъ. Михайловъ тоже.

И она разсказала мнѣ, кто былъ этотъ Михайловъ, сколько другихъ Михайловыхъ среди террористовъ, и поручила мнѣ передать одному изъ моихъ друзей то, что одинъ изъ нихъ показалъ про него.

Мы оставались вдвоемъ почти до полуночи. Она хотѣла уйти раньше, но была такъ утомлена, что едва держалась на ногахъ. На этотъ разъ она говорила мало, кратко и отрывисто.

Перовская обѣщала прійти завтра въ тотъ же домъ между двумя и тремя часами; я пришла въ половинѣ третьяго. Она была, но ушла, не дождавшись меня, потому что ей было очень некогда. Такъ мы больше и не увидались.

Два дня спустя она была арестована.

С. Л. Перо́вская и Дѣло 1-го Марта 1881 года.

(Извлеченія изъ Судебнаго отчета)

На обычные вопросы первоприсутствующаго сенатора объ имени, званіи, занятіяхъ и т. п. Софья Львовна отвѣчала:

— «Дворянка Софья Перовская 27 лѣтъ; жила по 1-ой ротѣ Измайловскаго полка; занималась революціонными дѣлами».

Извлеченія изъ обвинительнаго акта, касающіяся участія С. Л. Перовской въ дѣлѣ 1 марта.

«По обнаруженіи мѣстожительства Желябова*), проживавшаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Антоновою Войновою, по 1-ой ротѣ Измайловскаго полка, въ д. № 17/18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Славинскаго, въ квартирѣ его утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены между прочимъ: четыре жестянки изъ-подъ конфетъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (въ трехъ изъ подъ конфетъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

По заключенію эксперта, завѣдующаго химическою лабораторіею Михайловской Артиллерійской академіи и училища генералъ-маіора Ѳедорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ ниже упомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Ѳедорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ квартиры Желябова на другой день его ареста, 28 февраля 1881 г. и была задержана

---

*) А. И. Желябовъ былъ арестованъ 27 апрѣля 1881 года, одновременно съ Тригони, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

лишь 10-го марта на Невскомъ проспектѣ околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ.

Задержанная оказалась дворянкою Софьей Львовною Перовскою, обвиняемой и разыскиваемой по дѣлу о покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19-го ноября 1879 года, близъ города Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной дороги.

По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 года, по поводу событія 1-го марта; 18 экземпляровъ отъ «Исполнительнаго Комитета» и 14 экземпляровъ отъ «Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли».

Дознаніемъ выяснено, что въ іюнѣ 1880 года Перовская, подъ именемъ Войновой вмѣстѣ съ женщиной, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ и еще не разысканною, выбыла изъ д. № 32/4 Петербургской части, перваго участка, на углу Большой и Малой Бѣлозерскихъ улицъ, и переѣхала на жительство въ кв. № 23 д. № 17/18 по первой ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго.

Изъ показаній свидѣтелей:

Старшаго дворника д. № 17/18, крестьянина Харитона Пѣтушкова, его подручнаго дворника, запаснаго рядового Григорія Аѳанасьева и содержательницы мелочной лавочки въ томъ же домѣ, крестьянки Ирины Аѳанасьевой, назвавшіеся Слатвинскимъ (Желябовъ) и Войновой (Перовская) жили весьма уединенно, гостей не принимали, писемъ не получали, прислуги не имѣли, такъ что Войнова сама покупала провизію и готовила кушанье. 27-го февраля она вышла изъ квартиры вмѣстѣ съ Слатвинскимъ, который уже болѣе не возвращался; Войнова же вернулась вечеромъ и провела ночь дома. 28-го февраля она два раза, черезъ задній ходъ, приходила въ лавочку Аѳанасьевой, причемъ въ первый разъ купила коленкору, а во второй тесьмы, говоря, что покупаетъ это для платья. Въ оба свои прихода въ лавочку она выходила изъ нея чистымъ входомъ прямо на улицу, причемъ, послѣ вторичнаго ея появленія у Аѳанасьевой, около 9-ти часовъ вечера, Войнову уже въ домѣ не видѣли, и 1-го марта, по пріѣздѣ должностныхъ лицъ для производства обыска въ квартирѣ Желябова квартира эта оказалась пустой».

Сверхъ упомянутыхъ уже выше предметовъ, найденныхъ по обыску, между прочимъ оказались:

«У Перовской — 1) печатная программа «Исполнительнаго Комитета»; 2) два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли»; 3) 17 экземпляровъ «прило-

женія къ № 5 «Рабочей Газеты»; 4) рукопись подъ заглавіемъ «Подготовительная работа партіи», содержаніе которой, послѣ введенія, трактующаго объ общихъ приготовленіяхъ къ возстанію, излагается по отдѣламъ со слѣдующими заглавіями: А.) центральная организація, Б.) организаціи мѣстныя и спеціальныя, В.) городскіе рабочіе, Г.) войско, Д.) интеллигенція и молодежь, и Е.)Европа; 5) листки бумаги съ цифрами (повидимому шифромъ) и разными замѣтками. противоправительственнаго направленія, 6) записная книжка съ разными чертежами и замѣтками, представляющими какъ бы условныя слова и знаки».

«Обвиняемая Софья Львовна Перовская, признавая, какъ принадлежность свою къ партіи «Народной Воли», такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1868 году на высшіе женскіе курсы при 2-ой С.-Петербургской мужской гимназіи, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народной учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, причемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила «нелегально» подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамиліей Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ домѣ № 17-18 по 1-ой ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамиліей Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ «партіи» «Народной Воли» и «агентъ исполнительнаго комитета», она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе, въ приготовленіяхъ къ 1-му марту и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами государя и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть конхъ, именно два, она, Перовская утромъ привезла въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой были

застрѣлившійся въ ней передъ обыскомъ человѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить дѣло 1-го марта, не могло быть приготовлено большаго количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская объяснила своимъ соучастникамъ, по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ наканунѣ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ, найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣе составленному плану, отправивъ на условленныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ, Государемъ. Увидя, что Государь, не поѣхавъ по Малой Садовой и такимъ образомъ миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ и затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно итти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ такового для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась на противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась. Что касается до мотивовъ своей дѣятельности въ составѣ «партіи Народной Воли», то Перовская дала имъ слѣдующее объясненіе: стремясь къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, а также уровня его нравственнаго и умственнаго развитія, члены партіи, съ цѣлью пробудить въ народѣ общественную жизнь и сознаніе его гражданскихъ правъ, стали селиться въ разныхъ мѣстностяхъ среди народа для пропаганды. Когда же правительство отвѣтило на это рядомъ репрессивныхъ мѣръ и тѣмъ сдѣлала такую постановку дѣятельности невозможною, «партія» послѣ долгаго

колебанія, была вынуждена перейти къ политической борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ формъ, какъ главнаго препятствія къ достиженію цѣлей «партіи». Большинство «партіи» не сочувствовало этой борьбѣ, порицало ее, но она тѣмъ не менѣе была предпринята и притомъ, главнымъ образомъ посредствомъ «террористическихъ фактовъ». Упорство же въ покушеніяхъ на жизнь государя было вызвано убѣжденіемъ, что государь никогда не измѣнитъ «ни своего отношенія къ партіи», ни своей внутренней политики.

Кромѣ вышеприведенныхъ, сообщенныхъ самою обвиняемою Перовскою свѣдѣній о ея прошломъ, изъ дѣла видно: 1) что въ 1871 году Софья Перовская, бывшая тогда 18-ти лѣтъ отъ роду, привлекалась къ дознанію о Николаѣ Гончаровѣ и тайномъ кружкѣ, въ составъ котораго входили, кромѣ Гончарова, обвинявшіеся впослѣдствіи въ государственныхъ преступленіяхъ Натансонъ, Чудновскій, Чайковскій и др. 2) что по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи Перовская привлекалась къ суду по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному кружку «Чайковцевъ», образовавшемуся въ 1873 году, но была оправдана».

«Сверхъ вышеизложенныхъ предметовъ настоящаго дѣла, на обвиняемыхъ Андрея Иванова Желябова и Софью Львову Перовскую падаетъ еще обвиненіе въ участіи вмѣстѣ съ другими лицами: на перваго — въ покушеніи на жизнь государя, произведенномъ 18-го ноября 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, а на вторую — въ такомъ же покушеніи, совершенномъ 19-го того же ноября на линіи Московско-Курской желѣзной дороги».

«Участіе Перовской въ устройствѣ подкопа и взрыва подъ полотномъ Московско-Курской желѣзной дороги выяснилось главнымъ образомъ изъ показаній обвинявшагося въ государственныхъ преступленіяхъ, нынѣ умершаго сына купца Григорія Гольденберга, который, по задержаніи его 14-го ноября 1879 года на станціи желѣзной дороги «Елизаветградъ», призналъ себя виновнымъ въ приготовленіяхъ къ означенному взрыву и указалъ своихъ соучастниковъ въ этомъ посягательствѣ на жизнь государя. По показанію Гольденберга, въ половинѣ октября 1879 года, въ городъ Харьковъ пріѣхалъ участвовавшій въ Липецкомъ съѣздѣ и нынѣ осужденный государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ и, сообщая о подробностяхъ преступленія, предположеннаго въ Москвѣ, объяснилъ, что тамъ на имя Сухорукова купленъ уже домъ, изъ котораго ведется галлерея подъ полотно желѣзной дороги, при участіи: Гартмана, студентовъ Гриники и Арончика, Александра Михайлова и Софьи Перовской, именовавшей себя Мариной Семеновой — женой Сухорукова. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Гольденбергъ пріѣхалъ въ Москву и, присоединив-

шись къ кружку названныхъ лицъ, принималъ участіе въ работахъ по устройству подкопа; въ то время между ними уже было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова Ширяевъ и Перовская, а остальные участники должны были выѣхать оттуда наканунѣ прибытія въ Москву императорскаго поѣзда; Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда, а Ширяеву — сомкнуть цѣпь по сигналу, данному Перовской, которая очень гордилась возложеннымъ на нее порученіемъ.

Ширяевъ, задержанный въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 г. въ Петербургѣ, подтвердилъ сущность приведенныхъ выше объясненій Гольденберга и добавилъ, что передъ самымъ проѣздомъ государя состоявшееся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено причемъ вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

Обвиняемая Софья Перовская на допросѣ при дознаніи по настоящему дѣлу объяснила, что дѣйствительно, осенью 1879 года, она, подъ именемъ жены Сухорукова — Марины Семеновой, поселилась вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ въ домѣ, купленномъ имъ въ Москвѣ, въ Рогожской части, и проживала тамъ во все время веденія подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги; 19-го ноября она вышла изъ дома около 10-ти часовъ вечера, а въ моментъ взрыва находилась дома, съ цѣлью отвлечь подозрѣнія полиціи, если бы послѣдняя явилась къ нимъ въ это время; въ сараѣ же, въ моментъ взрыва, для соединенія батареи, было другое лицо, имени котораго она назвать не желаетъ».

«Софья Перовская обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу и съ тою же цѣлью лишенія жизни Государя, принимала участіе вмѣстѣ съ другими лицами въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна Московско-Курской желѣзной дороги близъ города Москвы, при прохожденіи императорскаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ однако же, по обстоятельствамъ отъ обвиняемой независѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, слѣдовавшимъ въ поѣздѣ. Преступленія эти, по отношенію къ Желябову и Перовской, предусмотрѣны ст. 241 Улож. о наказ.»

С. Л. Перовская въ засѣданіи Особаго Присутствія.

Закончивъ допросъ Кибальчича, первоприсутствующій обратился къ подсудимой Перовской съ вопросомъ, признаетъ ли она себя виновной по предъявленнымъ къ ней обвиненіямъ.

На это подсудимая Перовская отвѣтила: «Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли» и агентомъ исполнительнаго комитета. Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «Народной Воли» и которыхъ придерживаюсь я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища я замѣчу только одно: партія «Народной Воли» отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что по порученію исполнительнаго комитета, какъ его агентъ, принимала участіе въ покушеніи подъ Москвою 19-го ноября 1879 года и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года. Относительно участвующихъ лицъ въ послѣднемъ событіи я могу заявить одно: Гельфманъ, какъ членъ партіи «Народной Воли», какъ хозяйка конспиративной квартиры, вовсе не примыкала къ террористической дѣятельности партіи. Она занималась только распространеніемъ ея программы. Поэтому она не участвовала въ совѣщаніяхъ, которыя собирались для террористическихъ попытокъ, точно также вообще не знала о ходѣ террористической дѣятельности. Относительно подсудимаго Михайлова я должна сказать, что онъ точно также не принималъ участія въ террористической дѣятельности партіи, не готовился въ метальщики и не былъ 1-го марта на квартирѣ, гдѣ собственно рѣшался планъ дѣйствій. Слѣдовательно въ этомъ фактѣ онъ не принималъ никакого участія.

Первоприсутствующій. Въ виду вашего сознанія, я приглашаю васъ изложить подробнѣе ваше фактическое участіе какъ во взрывѣ 19-го ноября, такъ и въ преступленіи 1-го марта.

Перовская. Я могу только повторить свои показанія.

Первой. Вы подтверждаете ваши показанія въ томъ видѣ, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ?

Перовская. Да, за исключеніемъ только той части показанія, гдѣ говорится о томъ, какъ я объясняла, какимъ образомъ партія «Народной Воли» пришла къ террористической дѣятельности.

Первой. Нѣтъ, я говорю относительно фактической части.

Перовская. Фактическую часть я вполнѣ подтверждаю.

Изъ показаній свидѣтелей.

Свидѣтель Широковъ показалъ: 28-го февраля, когда скрылась Войнова (Перовская), приставъ поручилъ мнѣ разыскать ее. Такъ какъ примѣты ея не были хорошо извѣстны, то сначала мнѣ трудно было искать ее, но затѣмъ 9-го марта я узналъ, что въ томъ домѣ, гдѣ жила Войнова, есть сливочная

лавка, гдѣ она покупала товаръ, и жившая тамъ женщина хорошо знала ее въ лицо: я ѣздилъ съ этой женщиной по многолюднымъ улицамъ и случайно на Невскомъ проспектѣ мы встрѣтили Войнову. Я соскочилъ съ извощика, подбѣжалъ къ ней, вскочилъ къ ней на дрожки и взялъ ее за руки, такъ какъ опасался, что при ней могло быть оружіе, и такимъ образомъ доставилъ ее въ участокъ. При ней были найдены возмутительныя прокламаціи и другія вещи.

На вопросы товарища прокурора свидѣтель показалъ, что когда онъ задержалъ Войнову, она предлагала ему 30 руб., чтобы онъ ее отпустилъ, но денегъ ему не показывала, потому что онъ держалъ ее за руку».

Изъ рѣчи Муравьева, прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената.

О Перовской слѣдуетъ говорить вслѣдъ за Желябовымъ потому, что обстоятельства тѣсно связываютъ ихъ между собою. Въ прошломъ Перовской есть многое такое, чего не имѣютъ за собою другіе подсудимые и о чемъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Въ настоящее время подсудимая Перовская имѣетъ 27 лѣтъ; происхожденія она дворянскаго; родомъ она изъ хорошей семьи: дочь родителей, занимавшихъ въ обществѣ почетное мѣсто; женщина, имѣвшая возможность получить хорошее образованіе и видѣть кругомъ себя хорошій примѣръ. О ней мы знаемъ, что уже въ 1870 году будучи 16 лѣтъ отъ роду, она, пройдя черезъ женскіе курсы, тогда учрежденные при пятой гимназіи, оставляетъ домъ своихъ родителей и поступаетъ въ народныя учительницы. Въ 1871 году, когда ей было 17 лѣтъ, мы видимъ ее привлекающеюся къ дознанію о государственномъ преступникѣ Гончаровѣ, а въ слѣдующемъ 1872 году, 18 лѣтъ она, по собственному ея показанію, примкнула къ соціально-революціонному движенію, въ волнахъ котораго пребываетъ безъ малаго девять лѣтъ. Почти въ дѣтскомъ возрастѣ застала ее эта волна, быстро катила ее за собою и принесла въ процессъ 193-хъ, изъ котораго она, по недостаточности уликъ, вышла оправданною. Въ 1878 году, вслѣдствіе доказаннаго ея противоправительственнаго направленія, признано было необходимымъ удалить ее изъ Петербурга административнымъ порядкомъ и выслать въ Олонецкую губернію. Дорогою она совершаетъ побѣгъ, исчезаетъ, и мы получаемъ возможность констатировать дѣятельность ея въ революціонной средѣ только во время московскаго взрыва, въ которомъ она участвуетъ въ качествѣ фиктивной жены Сухорукова-Гартмана, въ качествѣ хозяйки конспиративнаго дома, изъ котораго была проведена мина. Мы видимъ ее здѣсь непосредственною участницей преступленія и изъ пока-

занія Гольденберга знаемъ, что этимъ участіемъ, той ролью въ преступленіи, которая ей досталась, Перовская очень гордилась. Было чѣмъ гордиться: ей была предоставлена почетная въ революціонномъ смыслѣ роль, она должна была наблюдать за приближеніемъ императорскаго поѣзда и дать сигналъ, по которому должна была быть сомкнута убійственная цѣпь гальванической батареи другимъ лицомъ. Въ 1880 году мы находимъ ее въ сожительствѣ съ Желябовымъ, на квартирѣ въ домѣ №17/18 по 1-ой ротѣ Измайловскаго полка, и на основаніи этого сожительства, на основаніи участія ея въ послѣднемъ заговорѣ, мы имѣемъ основаніе предположить, что и она находилась подъ вліяніемъ Желябова, заставлявшимъ ее итти по стопамъ Желябова и дѣлавшимъ изъ нея слѣпое орудіе его. Несомнѣнно, Перовская получила большое соціально-революціонное развитіе. Въ настоящее время она умѣетъ говорить слова, на которыхъ лежитъ печать этой науки. Она складно излагаетъ теорію соціально-революціоннаго ученія. Этому нечего удивляться: она прошла хорошую школу. Я не могу перейти къ прочимъ подсудимымъ, не указавъ на то, что въ участіи въ преступленіи Перовской есть черта, которую выбросить невозможно. Мы можемъ представить себѣ политическій заговоръ, можемъ представить, что этотъ заговоръ употребляетъ средства самыя жестокія, самыя возмутительныя, мы можемъ представить, что женщина участвуетъ въ этомъ заговорѣ, но чтобы женщина становилась во главѣ заговора, чтобы она принимала на себя распоряженіе всѣми подробностями убійства, чтобы она съ циническимъ хладнокровіемъ разставляла метальщиковъ, чертила планъ и показывала, гдѣ имъ становиться, чтобы женщина, сдѣлавшись душою заговора, бѣжала смотрѣть его послѣдствія, становилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста злодѣянія и любовалась дѣломъ рукъ своихъ — такую роль женщины обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать.

Рѣчь защитника С. Л. Перовской прис. пов. Кедрина.

«Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Не безъ волненія приступаю я къ исполненію своей тяжелой обязанности. Я долженъ сознаться, что нахожусь подъ впечатлѣніемъ рѣчи прокурора и предо мною рисуется та картина, которую онъ съ такимъ талантомъ нарисовалъ; эта тяжелая картина мѣшаетъ, по моему мнѣнію, спокойному, безпристрастному отношенію къ дѣлу; самъ прокуроръ, который обѣщалъ въ началѣ своей рѣчи хладнокровно обсудить всѣ обстоятельства дѣла, — перешелъ къ нѣсколько страстной формѣ. Я постараюсь отвлечь ваше вниманіе отъ этой тяжелой картины къ другой картинѣ, обратить ваши мысли къ личности подсудимой. Я

просилъ бы васъ забыть объ этомъ преступленіи, насколько это окажется мыслимо, и прослѣдить за мною жизнь подсудимой. Когда вы услышали въ первый разъ, что въ этомъ преступленіи участвуетъ женщина, то у васъ, вѣроятно, родилась мысль, что эта женщина является какимъ-то извергомъ, неслыханной злодѣйкою. Когда же вы встрѣтились съ нею на судѣ, то это впечатлѣніе, я думаю, оказалось діаметрально противоположнымъ. По крайней мѣрѣ подсудимая на меня произвела совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ то, которое у меня до встрѣчи съ нею составилось. Я увидѣлъ скромную дѣвушку, съ такими манерами, которыя не напоминали ничего звѣрскаго, ничего ужаснаго. Гдѣ же причина этому явленію? Можетъ быть, она желаетъ порисоваться, представить себя въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ? Я этого не думаю. Я полагаю, что то признаніе, которое она передъ вами сдѣлала, не выгораживая себя нисколько, идя впередъ на встрѣчу обвиненію, которое надъ ней тяготѣетъ, прямо говоритъ за то, что въ ней нѣтъ и тѣни лицемѣрія. Какая же причина, гдѣ корень того, что въ этомъ дѣлѣ являются Перовская и Рысаковъ, лица ранѣе безукоризненнаго поведенія? Чтобы обсудить этотъ вопросъ, намъ необходимо познакомиться съ жизнью подсудимой, и эту задачу я считаю для себя обязаннымъ выполнить передъ вами. Изъ рѣчи господина прокурора извѣстно, что Перовская привлекалась къ дѣлу въ 1871 г., революціонное ея прошлое, по мнѣнію обвиненія, велико; но я не раздѣляю этого убѣжденія, думаю, что ея революціонное прошлое начинается очень недавно. Правда, въ 1871 году она привлекалась къ дознанію о какомъ-то тайномъ сообществѣ, имѣвшемъ связь съ революціонной дѣятельностью, но впослѣдствіи оказалось, что это сообщество преслѣдовало благотворительныя цѣли, почему и слѣдствіе надъ Перовской было, по высочайшей волѣ, прекращено. Въ 1872 г. Перовская привлекалась по дѣлу о 193-хъ лицахъ. Слѣдствіе тянулось пять лѣтъ, но уликъ собрано противъ нея не было. Правительствующій Сенатъ оправдалъ ее; это даетъ полное основаніе утверждать, что подсудимая была не виновна. Если состоялось судебное рѣшеніе, оправдывающее подсудимую, то прежде всего слѣдуетъ остановиться на предположеніи о невиновности и на обязанности прокурора лежитъ доказать противное. Такимъ образомъ я полагаю, что Перовская дѣйствительно была не виновна въ томъ преступленіи, которое ей приписывалось, и совершенно правильно была оправдана Правительствующимъ Сенатомъ. До суда 193-хъ лицъ подсудимая жила въ Симферополѣ со своею матерью. Подъ ея вѣдѣніемъ и управленіемъ находилось два барака общества Краснаго Креста. Послѣ оправданія Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената уѣхала Перовская къ матери въ Симферо-

поль, и снова начала заниматься дѣломъ, которому она осталась бы преданною и посвятила ему всю жизнь, если бы не случилось одного обстоятельства. Она была арестована и административнымъ порядкомъ сослана, но дорогою ей удалось бѣжать, и вотъ Перовская очутилась въ положеніи «нелегальномъ». Явиться къ роднымъ ей было нельзя, такъ какъ паспортъ выдавалъ ее вездѣ, и вотъ она должна была попасть въ среду лицъ, которыя находились въ такомъ же положеніи, т. е. въ положеніи нелегальномъ; это состояніе, въ которомъ каждый шагъ, каждый часъ, каждую минуту должно наблюдать за собою, бояться и дрожать за судьбу. Такое состояніе неотразимо дѣйствуетъ на нравственное чувство человѣка и невольно возбуждаетъ въ немъ инстинкты, которыхъ слѣдовало бы избѣгать. Вспомнимъ, что надъ таковыми нелегальными людьми соціально-революціонныя идеи необходимо получаютъ громадную силу. Члены революціонныхъ кружковъ, сталкиваясь только между собою, не слыша безпристрастной научной критики ихъ идей, естественно все болѣе и болѣе проникаются ими и доходятъ до самыхъ разрушительныхъ теорій. Такимъ образомъ и идеи Перовской постепенно принимали болѣе и болѣе красный оттѣнокъ, и все болѣе и болѣе побуждали ее итти по дорогѣ революціи... Если только вы согласитесь со мной, что дѣйствительно первымъ толчкомъ, который побудилъ Перовскую итти по этому скользкому пути, была административная ссылка и что, благодаря этой ссылкѣ и той интенсивности идей, замкнутыхъ въ средѣ небольшого кружка, которая мѣшала строгой ихъ критикѣ, подсудимая дошла до настоящаго положенія, то въ этихъ обстоятельствахъ вы должны усмотрѣть данныя, которыя до извѣстной степени объясняютъ судьбу Перовской. Вслѣдствіе сего я ходатайствую предъ Особымъ Присутствіемъ Правительственнаго Сената о возможно болѣе снисходительномъ отношеніи къ участи подсудимой.

Послѣднее слово С. Л. Перовской на судѣ.

Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить, — я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженія къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возражать, и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости.

ИЗДАНІЯ

Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

■

Аграрно-Соціалистической Лиги.

(НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА)

1.	Какъ министръ заботится о крестьянахъ.		экз.
	Изданіе 1-ое	1.000	„
	Изданіе 2-ое	3.000	„
2.	Какъ венгерскіе крестьяне боролись за свои права	1.000	„
3	Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 1-ое изд.	2.000	„
	„ „ „ „ 2-ое изд.	10.000	„
4.	Бесѣды о землѣ. 1-ое изданіе	2.000	„
	„ „ 2-ое изданіе	10.000	„
5.	Разсказы изъ русской исторіи, ч. 1. изд. 1.	2.000	„
	„ „ „ „ изд. 2.	5.000	„
6.	Долой полицію	4.000	„
7.	Воля царская и воля народная	4.000	„
8.	Голодъ и самодержавіе.	4.000	„
9.	Царское правительство и рабочій народъ.	10.000	„
10.	За вѣру, царя и отечество. Разсказъ Ивана Вольнаго.	10.000	„
11.	За Волю и Землю	10.000	„
12.	Сказаніе о несправедливомъ царѣ. Ф. Волховскаго	10.000	„
13.	Разсказы изъ русской исторіи. ч. II.	10.000	„
	Очередной вопросъ революціоннаго дѣла въ Россіи. Изданіе 1-ое и 2-ое по	1.000	„

По всѣмъ дѣламъ, касающимся Аграрно-Соціалистической Лиги просятъ обращаться по слѣдующимъ адресамъ: V. Schitlovsky, 35, Zieglerstrasse, Bern, Suisse; E. Roubanovitch, 50, rue Lhomond, Paris; F. Volkhovsky, 47, Tunley Road, Tooting, London W. S.; C. Terechkowitch, 11, rue de Jupille, Liége (Bressoux), Belgique.

Изданія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1.	Реформа Ванновскаго	2.000	экз.
2.	19-ое февраля	2.000	„
3.	Вторая Воля	2.000	„
4.	Долой самодержавіе!	3.000	„
5.	Красное знамя (первомайскій сборникъ)	5.000	„
6.	О податяхъ и налогахъ	2.000	„
7.	Отчего студенты бунтуютъ	1.000	„
8.	Откуда пошло крестьянское раззоренье	500	„
9.	Царь-Голодъ	10.000	„
10.	Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи	5.000	„
11.	Неужели такъ надо?	2.000	„
12.	Ко всему русскому крестьянству. 1 и 2 изд. по	10.000	„
13.	Террористическій элементъ въ нашей программѣ (отдѣльный оттискъ изъ „Рев. Россіи“)	5.000	„
14.	Памяти С. В. Балмашева	5.000	„
15.	Народный герой (Ѳ. К. Качуръ)	15.000	„
16.	Батумское кровопролитіе	10.000	„
17.	Эволюція русской соціалистической мысли (отдѣльный оттискъ изъ Вѣстника Русской Революціи)	2.000	„
18.	Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости	1.000	„
19.	Несправедливое устройство русскаго государства. (Изд. Крест. Союза)	10.000	„
20.	Демонстранты передъ судомъ	5.000	„
21.	Солдатскій подвигъ. Разск. К. Миронова	10.000	„
22.	Помогайте вольной печати	3.000	„
23.	Къ крестьянскому вопросу. А. Рудина.	2.000	„
24.	С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. Л. Шишко	2.000	„
25.	Липочка-поповна, разск. І. Новокрещенскаго.	20.000	„
26.	Кризисъ и безработица	5.000	„
27.	На работѣ, разсказъ К. Миронова	5.000	„
28.	Новое крѣпостное право	5.000	„
29.	За хлѣбъ и землю!	2.000	„
30.	Ростовскія событія	10.000	„
31.	Хитрая механика.	5.000	„
32.	С. Л. Перовская.		„